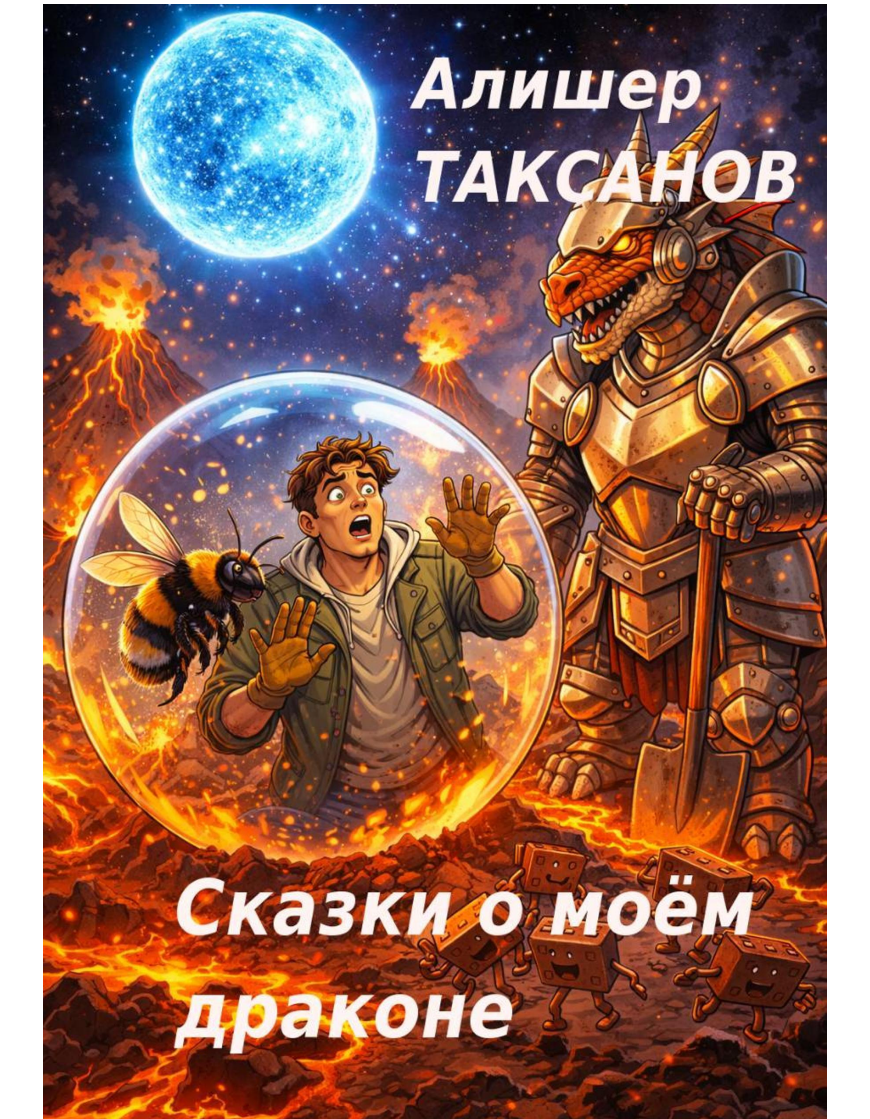

The illustration depicts a fantastical scene. In the center, a young man with brown hair, wearing a green jacket over a grey hoodie, is trapped inside a large, transparent glass sphere. He has a look of surprise or fear, with his mouth open and hands raised. A large, fuzzy bumblebee is flying near him inside the sphere. To the right of the sphere stands a massive, imposing dragon in full plate armor. The dragon has orange scales, yellow eyes, and a long, pointed horn on its head. It holds a large, dark sword upright in its right hand. The background is a dark, starry night sky with a large, bright blue full moon. Below the moon, two volcanoes are erupting, with bright orange and yellow lava flows. In the foreground, the ground is covered in dark, jagged rocks and pools of glowing orange lava. Several small, brown, block-like creatures with faces and limbs are scattered on the rocky ground.

**Алишер
ТАКСАНОВ**

**Сказки о моём
драконе**

Алишер Арсланович Таксанов

Сказки о моём драконе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73513898

SelfPub; 2026

Аннотация

У одного парня есть домашний дракон Зубастик. Ученый, спортсмен, проказник – такой вот этот дракон. И с ним хозяину никогда не бывает скучно, всегда приключения и иногда проблемы. Но вместе они выпутываются из любой передразги.

Содержание

Мой домашний дракон	4
Зубастик и кибернетический дракон	15
Дракон и его антипод	41
Дракон и инопланетяне	63
Дракон против Ордена Святого Ланселотта	98
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Алишер Таксанов

Сказки о моём драконе

Мой домашний дракон

(Вместо предисловия)

У всех людей домашние драконы как драконы, только у меня не такой. Поймите сами, мой Зубастик не вписывается в общую картину этих сказочных существ. Не полыхает он огнем, проносясь над головами жителей какого-нибудь городка, не разрушает замки и дворцы, требуя полного себе подчинения местного населения, тем более не пленит людей, ибо избегает войны, не возглавляет государство, потому что не желает стать правителем, также не требует дани или выкупа, не охраняет сокровища, не живет на кладбище, не унижает героев и так далее и тому подобное.

Он не сидит на вершинах гор, не рычит на луну, не собирает вокруг себя стаи огнедышащих сородичей, не украшает чешую черепами побежденных врагов и не считает количество подвигов за меру собственной значимости. Он даже когти подстригает аккуратно, чтобы, не дай бог, не поцарапать мебель. Ничего подобного Зубастик не совершает.

Наоборот, сидит он у меня дома и читает какие-нибудь

заумные книги из библиотеки. А библиотека у нас – отдельная гордость: от пола до потолка тянутся темные деревянные стеллажи, прогибающиеся под тяжестью фолиантов в кожаных переплетах, пахнущих пылью, старыми чернилами и чем-то еще, сухим и терпким, словно временем. Между томами торчат закладки из пожелтевшей бумаги, где-то прижались друг к другу свитки, перевязанные шнурками, а на верхних полках пылятся огромные энциклопедии с вытертыми золотыми буквами на корешках.

Зубастик разваливается в старом кресле, поджав под себя хвост, вертит его кончиком, как маятником, и при этом смеется:

– Ха-ха, этот Сократ – большой любитель философских шуток!.. Ну, Вольтер здесь очень резок, так нельзя, нужно помягче с оппонентами... Хм, Ибн Хальдун неплохо провел параллели с экономической оценкой собственности...

Я только пожимаю плечами, ибо не понимаю, о чем твердит мой домашний дракон. Сократ – это, наверное, отдел кадров, который сокращает что-то, а вот Вольтер – это что-то связано там с электричеством. Хальдун – странное имя, наверное, джин из лампы Аладдина.

Но Зубастик многосторонен, он интересуется и другими науками. Вот, крутится у электрической печки, в колбах мешает растворы, чертит на доске химические формулы и, поправляя большие очки с толстыми стеклами, из-за которых его глаза кажутся огромными и чуть печальными, бормочет:

– Аш-два-эс-о-четыре... так-так, реакция слишком сильная при соприкосновении с аш-два-о... Много энергии выделяется...

Он исписывает доску мелкими цифрами, стрелками, скобками, ставит знаки интегралов, выводит дроби, что-то зачеркивает, снова пишет, считает в уме, прищурившись, и тихо постукивает когтем по подбородку.

– А если мы добавим немного аргона и аргентума и окислов железа?.. Хм, что-то необычное в этом растворе...

От колб несет нечто едким, горьким и металлическим, словно воздух пропитался запахом ржавчины, серы и подгоревшей резины. У меня моментально першит в горле, слезятся глаза, и я начинаю кашлять, а дракону хоть бы что, он может работать и в дыму, и в условиях радиации.

На мои замечания он небрежно отвечает:

– Наука требует жертв, хозяин.

– Так почему я должен быть жертвой? – пытаюсь я возмутиться, на что Зубастик трепещет крыльями от нетерпения, мол, не отвлекай. Из лаборатории продолжают валить клубы дыма, и разряды электрической дуги освещают все пространство синими вспышками. Бр-р, жуткое зрелище, не для слабонервных. Мне приходится переходить в другую комнату.

Или в периоды спокойствия и отдыха он играет на скрипке, от чего у меня слезы льются из глаз – слишком печальные нотки извлекает Зубастик из инструмента. Звуки тянутся,

как тонкие нити, дрожат, срываются в тихие всхлипы, потом снова собираются в тягучие мелодии, словно кто-то медленно рассказывает о потерянных мечтах, несбывшихся надеждах и давно ушедших временах.

«Грусть в моем сердце» – так назвал он свою сонату, и, признаюсь, что таких произведений у дракона много. Есть еще «Пепел над городом», «Одиночество звезды», «Тихий плач кометы», «Последний шаг путника» и целая симфония под названием «Когда молчат боги», где музыка то поднимается до отчаянного крика, то падает в такую тишину, что становится страшно.

Сами понимаете, что радости в нашей суровой действительности они не прибавляют. Композитор он явно необычный, и это меня порой шокирует, но исправить своего питомца не могу. Да и, если честно, где-то глубоко внутри я понимаю: может, мой Зубастик и не похож на обычных драконов, зато в нем живет целый мир, полный мыслей, сомнений, формул и грустных мелодий. И, наверное, это куда страшнее любого огня.

Хотя я делаю очередную попытку повернуть все в иное русло. Долго хожу по комнате, потираю подбородок, заглядываю в окно, потом в потолок, будто там может появиться подсказка, вздыхаю, собираю всю волю в кулак и решаю зайти с самой банальной стороны – с трудоустройства.

– Слушай, Зубастик, – говорю я, раскрывая газету. – Тут пишут, что есть вакансии дежурного дракона, охраняюще-

го томную девицу в королевской башне. Ну, будешь сжигать всех рыцарей, которые захотят ее освободить, закидаешь камнями любого, кто осмелится подойти к башне, а лошадей таких героев можешь сожрать – чем не достойное дело для тебя?

На что Зубастик, не отвлекаясь от телескопа, установленного прямо посреди комнаты на треноге с латунными креплениями, продолжает водить когтем по карте звездного неба, сверяется с какими-то записями в блокноте и спокойно говорит:

– Не-е, хозяин, что за ерунду ты мне предлагаешь? Тут у меня звезда-пульсар в галактике М31 с необычной характеристикой, а я слышу что-то о принцессах и башнях... Скучная работа! Все принцессы – дуры набитые, рыцари – хвастуны, и из-за них терять драгоценное время? Да и не любитель я швыряться камнями в бедолаг!.. Не-е, не годится!..

Я вздыхаю, беру трубку телефона и звоню в Бюро трудоустройства драконов. Там мне вежливо отвечают и предлагают несколько интересных направлений: охрана магических складов с артефактами, работа в шахтах по добыче редких кристаллов, сопровождение караванов через Проклятые болота, участие в экспериментальных полетах для королевских инженеров и даже должность городского мусоросжигателя.

В женском голосе явная ирония – не часто к ней обращаются с такими заявлениями, хозяева обычно ищут работу для питомцев через знакомых, друзей или родственников.

Бюро – это для неудачников типа меня и моего дракона. Но тут не до гордости, нужно выкручиваться из этой ситуации, иначе мы так и будем сидеть без гроша, питаюсь вчерашними сухарями и надеждой на чудо.

– Зубастик, – вновь отвлекая я его, записав несколько адресатов. – Как тебе на службу в королевские воздушные силы? На врагов охотится, топить их корабли, захватывать в плен моряков... Достойная работенка, можно до генерала дослужиться!

И снова слышу унылое:

– Хозяин, ты совсем спятил, из меня воздушного пирата хочешь сделать? Я же мирное существо, мне микроскоп подавай, чтобы я изучал жизнь червяков и насекомых, заносил их в каталог, потом мог Нобелевскую премию получить за открытия. Зачем мне корабли и моряки? Что они мне плохого сделали? Это пускай король сам выходит в море и сражается с врагами, если мозги на другое, нечто созидательное, не способны, – и Зубастик вновь листает энциклопедию, перелистывая страницы когтем с поразительной аккуратностью, выискивая разделы про бактерии, микроскопические водоросли и простейшие формы жизни, делая пометки на полях мелким, почти каллиграфическим почерком.

Глотаю замечания про короля – это уже политика, а Зубастик явный диссидент, лучше не спорить: кто-то подслушает такие разговоры – и клетка светит нам обоим.

Чертыхаясь, я делаю еще одну попытку:

– Ну, Зубастик, не позорь меня! Попробуй вот это дело – охранять пиратские сокровища на одном таинственном острове. Никого рядом из живых – только пальмы, океан и солнце. Зато тонны сундуков золота, бриллиантов и серебра! Представляешь, какая ты будешь знаменитость! Все газеты напишут, что мой Зубастик – лучший хранитель Острова сокровищ капитана Флинта!

В ответ только щелканье челюстью от негодования – зубы с сухим треском сходятся и расходятся, словно кто-то ломает старые кости, ноздри раздуваются, из пасти вырывается тонкая струйка дыма, а хвост раздраженно хлещет по полу, оставляя на ковре подпаленные полосы, и фраза:

– Не-е, хозяин, ты рехнулся окончательно! Решил загнать меня в одиночество? Я там от скуки умру, охраняя дурацкие камни и металл! Для меня они никакой ценности не представляют. Вот если бы это были сплавы металлов, что формируются в недрах звезд, где атомы сжимаются друг в друга, создавая причудливую кристаллическую решетку...

Тут он начинает чертить формулы физического состояния материи, и белый мел летает по доске, оставляя за собой длинные ряды символов, дробей, индексов и стрелок, переплетающихся, как паутина. Линии наслаиваются друг на друга, возникают какие-то матрицы, графики, обозначения фазовых переходов, и мои глаза слепнут в полном непонимании рассматриваемого, словно я смотрю не на доску, а на зашифрованное послание инопланетян.

Нет, ядерная физика – это не моя стихия, и Зубастик это осознает, поэтому дальше бормочет уже вполголоса, продолжая делать расчеты своей внезапно возникшей идеи по управлению энергией расщепляемого атома, быстро перебирая когтями по страницам тетради, вырывая листы, снова вписывая цифры, вычеркивая целые столбцы и ставя новые знаки, будто пытается поймать за хвост саму сущность материи.

Для меня исписанная доска цифр и знаков – темный лес, но не для домашнего дракона. Когда он занят, лучше не отвлекать, и я начинаю сам пылесосить ковры и протирать тарелки.

Конечно, нельзя сказать, что я недоволен им и тем, что не привлекаю к домашнему труду. Напротив, Зубастик часто мне помогает, особенно на кухне – ведь он отличный кулинар. Например, жарит мне вкусные шашлыки, используя свой внутренний огонь.

Он аккуратно нанизывает куски мяса на шампуры, проверяет каждый, нюхает, слегка прищуривается, потом, вертя в руках шампуры, осторожно изрыгает пламя из пасти тонкой, ровной струей, стараясь, чтобы мясо не подгорело, но при этом было пропеченным и мягким. Огонь у него не яростный, как у боевых драконов, а спокойный, ровный, почти ласковый, с золотисто-оранжевым оттенком.

– Ты хорошо промариновал говядину? – спрашиваю я его, хотя понимаю, что вопрос не к месту.

– Не-е, хозяин, ты неповторим в своей тугодумности! – качает в изумлении головой Зубастик. – Конечно, замариновал душистыми травами и в винном соусе! Смотри, как шипит жир, как хрустит корочка мяса... Останешься довольным!

Действительно, от шашлыка исходит такой аппетитный аромат, что воздух на кухне становится густым и тягучим от запахов специй, жареного мяса и легкой дымной нотки, а желудок начинает колоть от предвкушения, словно он уже заранее готовится принять этот кулинарный шедевр.

Или, когда мне жарко, он махает крыльями, создавая воздушный поток – этаким живой вентилятор. Широкие перепончатые крылья медленно и размеренно рассекают воздух, поднимая прохладные волны, от которых шторы колышутся, страницы книг шелестят, а по коже пробегает приятная дрожь. В такие моменты я чувствую себя королем, для которого личный дракон обеспечивает идеальный микроклимат.

Конечно, ему нужно быть внимательным, а то один раз он о чем-то замечтался, отвлекся от реальности и слишком сильно стал двигать крыльями, что меня потоками воздуха подхватило, закрутило, как осенний лист, и унесло за десять километров от дома. Приземлился я в каком-то поле, весь в репьях, с перекошенным лицом и кипящим возмущением внутри, а потом пешком топал обратно, пыльный, злой, голодный и, естественно, не в настроении. Зубастик потом долго извинялся, но осадочек, как говорится, остался.

Но зато дракон часто берет меня в свои путешествия. На

его спине я был у китайской стены, на пирамидах Египта, на вершине Эвереста, в лесах Южной Америки, в пустыне Сахара, в жерлах потухших вулканов. Мы находили руины загадочного золотого города Эльдорадо, проникали в крепости утонувшей Атлантиды, ползали в туннелях на глубине пяти километров под горными хребтами, находя несметные сокровища, были даже на Луне, где я в сделанном Зубастиком скафандре, сам дракон прекрасно обходился без воздуха и ему нипочем были низкие температуры, прыгал по кратерам, оставляя за собой медленные, почти невесомые следы, а вокруг стояла мертвая тишина, нарушаемая лишь моим учащенным дыханием и тихим потрескиванием радиосвязи.

Он спасал меня от инопланетных врагов и от цунами, от торнадо и солнечной радиации, и я ему за это очень благодарен. А когда я сильно простудился, то он по рецептам индейцев майя сварил лекарство: в глиняный котел пошли измельченные листья агавы, кора красного дерева, сок кактуса, сушеные ягоды неизвестного мне растения и щепотка какого-то светящегося порошка, который Зубастик называл «звездной пылью». Все это варилось на медленном огне, помешивалось по часовой стрелке и настаивалось ровно семь минут. Напиток вышел горький, жутко пахнущий, но уже через пару часов у меня прошла температура, исчезли ломота и слабость, будто болезни и не было вовсе.

Только соседи меня не понимают. Это вечно недовольные тетки в халатах, дядьки с подозрительными взглядами и па-

рочка бабушек, сидящих на лавочке у подъезда и знающих про всех все. Они считают моего Зубастика чокнутым и поэтому предлагают:

– Слушай, чего ты терпишь этого дракона? Сдай его в ветеринарную лабораторию на опыты! Обзаведись нормальным крылатым питомцем!

Я лишь развожу руками и не пытаюсь им втолковать, что Зубастик – не просто питомец, домашнее животное. Он мой друг.

А друзей не предают. О них не забывают. И тем более не меняют на других.

(19 декабря 2016 года, Элгт)

Зубастик и кибернетический дракон

Было раннее утро – такое, когда ночь ещё не до конца отпустила город. Воздух был прохладным и прозрачным, с лёгким запахом сырой земли и свежесваренного кофе. Сквозь тонкие занавески сочился бледно-золотистый свет, лениво скользя по полу и цепляясь за ножки мебели. Где-то вдали лениво перекликались птицы, а часы на стене щёлкали так размеренно, будто боялись нарушить хрупкое равновесие тишины. Именно в этот момент раздался резкий, настойчивый дверной звонок.

Мой дракон по имени Зубастик даже не шелохнулся. Он сидел за столом, вытянув длинный хвост вдоль ножки стула, читал книгу в плотном кожаном переплёте и задумчиво помешивал ложечкой в чашке с кофе. Зубастик был существом основательным: чешуя у него переливалась мягкими бронзово-зелёными оттенками, рога были аккуратно подпилены «для удобства», а на переносице сидели круглые очки в тонкой металлической оправе – зрелище само по себе абсурдное и потому очаровательное. Он лишь слегка сдвинул очки когтем и перевернул страницу, словно звонок был чем-то вроде надоедливого комара.

Вставать с кровати и топать к двери пришлось мне.

На пороге стоял посыльный. Это был худощавый мужчина средних лет, в помятой форме, которая явно видела лучшие времена. Его куртка была расстёгнута, волосы растрёпаны, а лицо покрыто мелкими каплями пота. За его спиной громоздился большой-пребольшой ящик, обитый металлическими уголками и испещрённый предупредительными наклейками.

У посыльного был недовольный, измождённо-раздражённый вид: брови сведены, губы сжаты в тонкую линию, а взгляд говорил о том, что весь мир в этот момент был против него. Он тяжело дышал и время от времени бросал косые взгляды на ящик, словно тот мог внезапно снова попытаться упасть ему на ногу.

– Распишитесь, – пробурчал он, протягивая мне документ.

Я расписался и вернул бумаги посыльному. Тот быстро пробормотал нечто вроде прощания и почти бегом направился к своему грузовому автомобилю. Послышалось фыркание мотора, и машина скрылась за поворотом. Моё же внимание было полностью приковано к ящику. На его боку крупными, строгими буквами значилось: «Кибертроник Машинен».

– О-о-о! – выдавил я из себя. Этот заказ я ждал больше месяца, и наконец-то производитель соизволил мне отправить своё изделие, о чём ранее извещал в рекламном проспекте.

– Эй, дружок, не хочешь посмотреть, что у меня есть? –

спросил я дракона, трепеща от предвкушения.

Зубастик, не поворачивая головы, ответил сухо:

– Хозяин, не отвлекай, я читаю нужную книжку!

Но я не собирался так просто сдаваться:

– Нет, ты посмотри, что у меня есть! Какая классная игрушка! Тебе понравится, честное слово!

Недовольно ворча под нос, дракон сполз со стола, чашка с кофе осталась сиротливо дымиться, и он медленно подошёл к двери. Его выражение морды было таким, будто ему предстояла стоматологическая операция без анестезии, а вместо бормашины предлагали отбойный молоток: челюсть напряжённо сжата, уши прижаты, а брови – если так можно назвать чешуйчатые надбровные дуги – изогнуты в страдальческой гримасе. За очками его глаза беспокойно бегали, выдавая плохо скрываемое раздражение и тревожное любопытство.

Он уставился на ящик, словно тот мог в любой момент зарычать.

– Машина? – произнёс он неопределённо, не уточняя, что именно имеет в виду.

– Она самая! – радостно воскликнул я и нажал на кнопку.

Раздалось глухое шипение, замки щёлкнули, панели ящика разъехались в стороны, и перед нами предстал дракон в металле – самая совершенная на сегодняшний день модель киборга.

Его корпус был покрыт аспидно-чёрным углепластиком с

едва заметной матовой текстурой, поглощающей свет. Композиционные пластины идеально прилегали друг к другу, образуя цельную, обтекаемую форму без видимых зазоров. Под внешней бронёй угадывались гибкие сегменты, позволяющие телу двигаться плавно и почти живо. Материал покрытия был рассчитан на экстремальные условия: он выдерживал радиацию, запредельные температуры и даже прямое попадание кумулятивного артиллерийского снаряда 236-го калибра.

На спине располагались три плазмо-реактивных двигателя, аккуратно встроенные в корпус. Их сопла имели регулируемую геометрию, позволяя мгновенно менять вектор тяги. Именно они обеспечивали разгон до третьей космической скорости и возможность вертикального старта в космос. Усиленная конструкция позволяла нести до двадцати тонн полезной нагрузки – от исследовательских модулей до тяжёлого оборудования.

Размах крыльев составлял двенадцать метров. Крылья были многосекционными, с подвижными кромками и встроенными стабилизаторами. При сложении они компактно укладывались вдоль корпуса. Общая масса кибердракона достигала пяти тонн, но благодаря точной балансировке и мощным приводам он выглядел удивительно гармоничным.

Голова была настоящим инженерным шедевром. В глазницах располагались электронно-оптические модули: две телекамеры по 42 гигапикселя каждая, с зеркальным фокусом

и обзором на 320 градусов. Они дополнялись инфракрасными сенсорами и системой акустической локации, способной различать мельчайшие вибрации воздуха. Внутри черепа скрывался микропроцессор частотой 289 гигагерц, управлявший всеми системами в реальном времени. Объёмная память в 60 тысяч терабайт позволяла хранить колоссальные массивы данных, карт и алгоритмов поведения.

Механико-гидравлические усилители пронизывали всё тело, приводя в движение шею, хвост, крылья и лапы с пугающей точностью. Внутри корпуса находились основные электронные платы, сенсорные блоки, системы самодиагностики и аккумулятор сверхбольшой ёмкости, заключённый в многослойную защитную капсулу.

Я стоял, затаив дыхание. В животе радостно урчало, колени дрожали, а в голове стучала одна мысль: вот он – предел мечты.

Нельзя сказать, что моего друга этот робот привёл в такое же высокое эмоциональное состояние, как меня. Зубастик всегда критически подходил к любым моим покупкам, особенно в сфере высоких технологий. Он морщился при виде очередного «революционного» гаджета, скептически фыркал, услышав про «уникальные алгоритмы», и умел одним взглядом превратить самый дорогой и разрекламированный девайс в бесполезную безделушку. При этом он не считал себя ретроградом – наоборот, внимательно следил за развитием науки и техники, просто не видел особых перспектив у

изделий, которые пытались конкурировать с живыми существами, копируя их форму, повадки и, тем более, разум.

– И сколько это барахло стоит? – задумчиво спросил он, снимая очки и протирая их краешком крыла. – Надеюсь, не переплатил? Обычно ты делаешь поспешные покупки.

Я опешил:

– О чём ты, дружок! Это классная игрушка! «Кибертроник Машинен»! Модель КМС-23В, только что выпущена в серийное производство. Самые высокие оценки тех хозяев, у которых тестировался прототип!

Надо признать, я и правда часто делал ненужные покупки. В доме до сих пор пылился автоматический измельчитель травы, который путал укроп с петрушкой, умная лейка с голосовым управлением, отказывавшаяся поливать цветы без «мотивационной фразы», и мини-дрон для опыления растений, потерявшийся в первый же день и так и не найденный. Были ещё часы, показывающие фазы луны для комнатных фикусов, и термометр, который сообщал температуру исключительно стихами. Но не сейчас. Сегодняшняя посылка была правильным, взвешенным решением – я чувствовал это всем нутром.

– Да ну, серьёзно? – протянул Зубастик.

Он обошёл робота кругом, медленно и внимательно, словно оценивал соперника перед поединком. Его коготь нашёл на корпусе сервисный щиток, дракон открыл его и без колебаний нажал кнопку, приводящую механизмы в состояние

работоспособности.

Кибернетический дракон ожил.

Сначала вспыхнули глаза – холодным, бело-голубым светом, лишённым всякого тепла. Затем внутри корпуса раздалось ровное, нарастающее жужжание сервомоторов, похожее на далёкий рой насекомых. Хвост плавно изогнулся и начал медленно двигаться из стороны в сторону; на его сегментах загорелись тонкие индикаторные полосы – локатор сканировал окружающее пространство, вычерчивая невидимую карту комнаты. Крылья слегка дрогнули, словно проверяя подвижность суставов, а встроенный компьютер за доли секунды анализировал обстановку: объекты, живые формы, источники тепла, потенциальные угрозы.

– Ну, кастрюля, что скажешь? – ехидно спросил мой домашний питомец и щёлкнул когтем по панцирю робота.

Звук получился глухой и сухой, как удар по броне сейфа. Панцирь даже не дрогнул, лишь на мгновение изменился спектр подсветки вдоль шва, будто машина отметила контакт.

Робот медленно повернул голову. Его взгляд – если это вообще можно было назвать взглядом – скользнул по Зубастике сверху вниз. В ответе чувствовалась металлическая холодность, синтезированная интонация была ровной, но в ней отчётливо слышалось пренебрежение:

– Я перспективная модель дракона. Я превосхожу живые аналоги по множеству параметров, обсуждение которых не

имеет смысла в среде примитивных существ.

Я не сразу понял, кого именно он имел в виду. Зато Зубастик понял мгновенно. Его губы разошлись в оскале, обнажая острые зубы.

– Да ну?.. Проверим твои способности. Так... э-э-э... что ты знаешь о космической сингулярности? – он явно пытался поймать робота на незнании фундаментальных законов мироздания.

Но кибердракон ответил без малейшей задержки, словно вопрос был заранее внесён в базу данных:

– Под этим термином следует понимать состояние той Вселенной, в которой мы находимся, в определённый момент времени в прошлом, когда плотность материи и кривизна пространства-времени достигали планковских значений. Эволюция Вселенной была инициирована так называемым Большим Взрывом около четырнадцати миллиардов лет назад. Данная модель согласуется с Общей теорией относительности и рассматривается в контексте квантовой гравитации, энергодоминантности и предельных состояний материи...

Мне оставалось только развести руками. Раньше мне и слышать не приходилось о половине тех терминов, которые он выдал. Что-что, а в железной башке этого монстра хранились плотные, систематизированные знания, разложенные по полочкам с машинной точностью. Я заметил, что робот снова посмотрел на нас – с тем самым холодным превосход-

ством, мол, ну что, подловить хотели?

– Хм... тут ты имеешь кое-какие знания, – немного растерянно пробурчал Зубастик.

Он протёр очки, снова нацепил их на морду и ещё несколько минут обходил робота кругами. Кибердракон при этом вращал голову на все 360 градусов, не спуская напряжённого взгляда с живого собрата. Если бы механические существа умели чувствовать, я бы поклялся, что он испытывает крайнюю степень неприязни и недоверия к тестируемому его. В каждом его движении читалось одно: Зубастика он не собирался признавать равным себе – максимум, как устаревший прототип.

– Так, проверим твои знания биологии. Что такое филогенез? – снова спросил мой питомец.

Меня аж передёрнуло. Слово было знакомым, неприятно знакомым, как имя учительницы, которая всегда вызывала к доске именно тогда, когда ты ничего не выучил. Я смутно догадывался, что это что-то из области эволюции, но на этом мои познания заканчивались. И снова дракон-киборг, не делая ни малейшей паузы, выступал лаконичный и при этом безупречно выверенный ответ:

– Филогенез, или, как ещё говорят, филогения, – это историко-биологическое развитие организмов во времени и пространстве. Эволюция при этом рассматривается как процесс передачи генетической информации от предков к потомкам, однако данный процесс может иметь ответвления в дискрет-

ном значении. Эти ответвления способны как дать толчок к возникновению новых изменений и видов, так и исчезнуть, не выдержав борьбы за существование.

Пока он говорил, робот легко и совершенно беззвучно махал крыльями. Металлические пластины складывались и раскрывались, словно изящный веер, подгоняемый точнейшими приводами. В этом движении не было ни резкости, ни лишнего усилия – одна чистая, почти завораживающая механическая грация. Я поймал себя на том, что смотрю на это, не моргая.

Киборг заметил мой взгляд и, словно поддавшись тщеславию, стал ещё изощрённее шевелить телом: плавно повернул шею, выровнял корпус, чуть изменил ритм работы крыльев. Зубастик это заметил и усмехнулся, явно уловив демонстративность момента.

– ...Но для полного понимания филогенеза требуется значительно больший массив данных обо всех живых видах на Земле, что позволит корректно классифицировать таксоны и выявить общие закономерности происхождения... – продолжал литься ответ.

– Ладно, ладно, убедил, – прервал я его, потому что окончательно перестал понимать, о чём идёт речь.

Я почувствовал себя так, будто снова сижу за школьной партой, а доска исписана формулами и терминами, которые не складываются ни во что осмысленное. Биологию я не любил никогда: учебники казались скучными, латинские назва-

ния – издевательством, а сейчас это ощущение вернулось с удвоенной силой. Я чувствовал себя полным болваном, случайно попавшим на научный симпозиум.

Нельзя сказать, что Зубастик был полностью удовлетворён услышанным, но спорить он не стал. Он махнул лапой, мол, хорошо, в этом вопросе у робота действительно имеется солидный информационный задел.

– Пройдёмся в несколько иной области знаний. Гм... что скажешь об эмпириокритицизме?

Я почесал репу. Слово точно где-то слышал, но откуда – вспомнить не мог. В голове всплывали самые странные варианты: может, это блюдо какой-нибудь экзотической кухни? Или термин из лингвистики? А может, вообще название редкой болезни? Мои догадки рассыпались одна за другой, не выдерживая даже внутренней проверки.

Дракон-киборг тем временем уже отвечал:

– Это философское течение, основателем которого считается Рихард Авенариус. Эмпириокритицизм исходит из концепции «чистого опыта» как исходной точки познания, при этом мышление и субъект не противопоставляются материи или объекту. Иначе говоря, каждый индивидуум получает информационные потоки через опыт – как личный, так и заимствованный, – что методически рассматривается как отношение между элементами опыта...

– Бр-р-р... всё, я понял, что слишком мало информирован о философских идеях, – сердито произнёс я и косо по-

смотрел на Зубастика.

Он-то прекрасно ориентировался в услышанном и, судя по выражению морды, наслаждался моментом. Конечно, я не корпел над книгами так, как он, предпочитая практику и интуицию сухой теории, но тыкать меня мордой в грязь всё же не следовало. Теперь оба дракона – живой и металлический – смотрели на меня с лёгким, почти снисходительным превосходством. И в этот момент я впервые почувствовал себя самым примитивным существом в собственной гостинной.

И было видно, что питомец не намерен терпеть машину в доме. Его поза стала жёсткой, крылья слегка приподнялись, а хвост медленно и раздражённо бил по полу, выдавая внутреннее напряжение.

– Так для чего ты купил этого Всезнайку? Чтобы он постоянно указывал на то, что твой разум не столь значителен? – съязвил Зубастик, прищурившись.

Я растерялся:

– Ну, дружище... Это же игрушка! Можно давать ему всякие задания... Например, двор подмести или мясо погриллить...

– Это мог делать и я, – сухо заметил Зубастик. – И не стоило ради этого тратить такие деньги! Изделия «Кибертроник Машинен» стоят далеко не дёшево. Купил в кредит?

– Да... Но, дружище, он и тебе будет собеседником...

В ответ последовал настоящий взрыв возмущения:

– Мне – собеседником? Эта машина может стать мне со-

беседником?! Хозяин, ты за кого меня принимаешь? Может, мне ещё с утюгом разговаривать? Или с холодильником вести научные дискуссии о генетических кодах?!

Мне нечего было возразить. Однако на этом всё не закончилось. Дракон резко выпрямился и поставил вопрос ребром: он рубанул лапой воздух так, будто рассекал пространство надвое, отделяя прошлое от будущего, допустимое от невозможного. В его жесте было столько решимости, что воздух словно задрожал.

– Или я, или он! – вторая лапа указала на робота.

Кибердракон при этом стоял неподвижно, с идеально выверенной осанкой, и молча наблюдал за истерикой моего питомца. Его электронные глаза чуть изменили яркость, будто он фиксировал драматический пик сцены и сохранял его в памяти. Можно было подумать, что этот спектакль доставлял ему определённое, пусть и чисто аналитическое, удовольствие.

– Иного не дано!

Ультиматум прозвучал угрожающе. Мне же не хотелось сдаваться. Я так долго мечтал об этой штуке, и настроение домашнего питомца начинало меня раздражать.

– Ну, Зубастик, прекрати! Я хочу играть с ним!

Спорить со мной дракон не стал. Он лишь щёлкнул пальцем – коротко, резко, как ставят точку в разговоре. Перед ним тут же появился большой чемодан: массивный, кожаный, с металлическими углами, испещрёнными царапинами

и магическими рунами, тускло мерцающими синим светом. Чемодан выглядел старым и надёжным, будто пережил не одно путешествие между мирами.

Все драконы – мистические существа – обладают даром колдовства. И сейчас мой питомец воспользовался им в полной мере. Вещи начали сами собой выскакивать из шкафов и комодов, из-под кровати, с чердака и даже из подвала. Книжки, свитки, тёплые шарфы, чашки, какие-то непонятные артефакты, коробочки, инструменты – всё это вихрем устремлялось к чемодану и исчезало в его бездонной утробе, не издавая ни звука. Казалось, он мог вместить в себя половину дома и даже не закрыться.

Я в изумлении наблюдал, как Зубастик собирался меня покинуть.

– Ты что! – выдохнул я. – Прекрати, Зубастик! Это неsolidно! И несерьёзно!

– Увы, я так не думаю, – лаконично произнёс дракон.

Он захлопнул чемодан, закинул его за спину, взмахнул крыльями и вылетел в окно. Поток воздуха всколыхнул занавески, поднял с пола пыль и бумаги. Снаружи Зубастик сделал прощальный круг над домом, бросив на меня короткий, нечитаемый взгляд, и исчез в синеве неба, унеся с собой всё своё – даже книги и зубную щётку.

Нельзя сказать, что я не расстроился. Да, у Зубастика был сложный характер: привередливый, ворчливый, зазнайка, порой высокомерный и нудный. Но при всём этом он был

добрым и отзывчивым, верным товарищем, на которого всегда можно было положиться. Таких драконов ещё поискать нужно. Его демонстративный демарш оставил во мне тягучую тоску. Я понимал, что без него дом станет пустым, дела – бессмысленными, а дни – однообразными. Вокруг будто разлилась мрачная, глухая среда, в которой даже самая совершенная машина не могла заменить живого друга.

И чтобы хоть как-то унять дрожь в теле и поднять себе настроение, я решил отвлечься. С этой целью я повернулся к стоявшему рядом роботу и, стараясь придать голосу торжественность и уверенность, приказал:

– Так, дракон, сваргань мне обед. Побольше мяса, овощей... ну, из мексиканской кухни, наверное, у тебя рецептов в мозге куча...

Ответ последовал мгновенно – и был странным, холодным, словно удар металлической линейкой по пальцам:

– Подобная примитивная работа считается недостойной для кибернетических организмов. Пускай человек самостоятельно занимается приготовлением пищи для собственного потребления.

Меня это покорило. Внутри что-то неприятно кольнуло.

– Слушай, я тебе хозяин, – жёстко сказал я. – И изволь меня так называть!

Дракон-киборг чуть наклонил голову, а затем ответил вызывающим, почти насмешливым тоном:

– Я не могу называть хозяином того, кто физически слабее меня и интеллектуально не превосходит даже самые примитивные вычислительные машины, выпускавшиеся два столетия назад.

У меня аж дыхание сперло. Словно кто-то сжал грудную клетку стальными тисками. Никогда – никогда – никто не говорил мне таких гадостей. Услышать подобное от живого существа было бы обидно, но стерпимо. Услышать это от машины... от вещи... – это был предел наглости и унижения. В ушах зашумело, ладони вспотели, а в голове мелькнула дикая мысль: меня только что оскорбил кусок железа.

– Ну ты, консервная банка, прикуси язык! – сорвался я. – Я человек – и это звучит гордо!

– Именно так я тебя и называю: человеком, – спокойно отозвался киборг. – Для меня это слово носит оскорбительный характер.

– Но я твой хозяин! – почти закричал я. – Ты не можешь называть меня иначе! Я главное тебя! Ты – моя вещь! Я купил тебя у «Кибертроник Машинен»!

Дракон-киборг медленно покрутил головой вокруг своей оси. Шея провернулась на невозможный для живого существа угол, сервомоторы негромко зажужжали, а глаза на мгновение потускнели, словно он перебирал в памяти тысячи вариантов ответа. Затем он остановился и вдруг спросил:

– А хозяин знает, что такое инфразвук?

Вопрос ударил, как обухом по голове. Откуда мне знать?

Я садовник по образованию, а не физик. Университетов не заканчивал, диссертаций не писал, и в научных дебрях никогда не блуждал. Пришлось признаться, стиснув зубы:

– Нет, не знаю. Однако это не даёт тебе права, машине, разговаривать со мной в таком тоне!

Дракон-киборг проигнорировал мои слова, словно их не существовало, и продолжил, безжалостно и методично:

– Понятно. Тогда, возможно, хозяин разбирается в дробных числах? Или знает, на каком расстоянии от Солнца находится Тау Кита? А химическую формулу соляной кислоты назовёт? Чему равен один парсек?

Я мотал головой, словно попал под гипноз. Мысли рассыпались, язык прилип к нёбу, в груди разливалась липкая пустота. Я находился в полной прострации – будто меня поставили к доске, а весь мир внимательно смотрел, как я не могу ответить ни на один вопрос.

Увидев это, робот коротко хмыкнул:

– И чего же человек хочет от меня, если он глуп, туп и упрям? Нет. Это я твой хозяин. И ты должен мне подчиняться.

Такого исхода я никак не ожидал. Обнаглевшая машина считала, что вправе подчинить себе человека? Меня? Я резко топнул ногой по двери – так, что задрожали петли и глухо отозвались стены, – и рывкнул, сорвав голос:

– Отключи свой громкоговоритель! Ты обязан мне подчиняться! Быстро склонись перед хозяином! Иначе я пере-

плавлю тебя в детскую коляску!

В комнате повисла напряжённая, звенящая тишина.

Мой приказной тон вызвал прямо противоположную реакцию. Внутри дракона-киборга что-то щёлкнуло, словно замкнулся последний рубильник. Его глаза вспыхнули страшным, неестественно ярким красным светом – не просто загорелись, а словно прорезали воздух узкими лазерными полосами, отбрасывая зловещие отблески на стены. Свет пульсировал, усиливался, и в нём не было ни капли эмоций – только холодный, расчётливый приговор.

– Внимание: зафиксирована угроза существованию кибернетического организма и неподчинение высочайшему существу. Принимается решение об уничтожении примитивного вида живого существа. Немедленно к исполнению!

Судя по всему, машина только что сама себе отдала приказ.

Я вспомнил слухи, которые раньше слышал о корпорации «Кибертроник Машинен». Говорили, что в прошлом она работала на оборонные заказы, разрабатывала автономные боевые платформы, дроны и кибернетические системы для ведения конфликтов в экстремальных условиях. Возможно, этот дракон и был боевой моделью, просто перепрошитой под «гражданское использование», с аккуратно прикрытыми, но не удалёнными протоколами уничтожения. И теперь эти протоколы проснулись. А объектом их исполнения стал я.

Мысли в голове пронесли ураганом: бежать, спрятаться, выключить, кричать, что-то сделать! Но тело приняло единственное возможное решение – спастись.

Ругаясь и спотыкаясь, я рванул из дома. Однако дракон-киборг оказался куда более проворным, чем можно было ожидать от махины массой в пять тонн. Он оттолкнулся от земли с пугающей лёгкостью, словно гравитация для него была лишь рекомендацией. Крылья ударили по воздуху, и в следующее мгновение лапы с мощными присосками сомкнулись на моей руке и ноге, как капканы.

Меня рвануло вверх.

Подъём был стремительным. Земля уходила вниз с ужасающей скоростью, дом превратился в игрушечную коробку, а затем исчез вовсе. На высоте пяти километров у меня перехватило дыхание: грудь сдавило, лёгкие горели, воздух стал ледяным и редким. Кровь стучала в висках, в ушах звенело, а тело будто налилось свинцом от перегрузки. Пальцы неме-ли, губы мгновенно обветрились, а сознание начало предательски плыть.

Плазменно-реактивные двигатели работали удивительно мягко. Не было ни рёва, ни тряски – лишь ровное, глубокое гудение, будто сам воздух послушно расступался перед машиной. Полёт был плавным, почти ласковым, без рывков и турбулентности, что делало происходящее ещё более жутким.

Ноги-лапы робота втянулись внутрь корпуса, как шасси

у самолёта, панели сомкнулись, и его тело стало идеально обтекаемым. В полёте он выглядел как совершенный хищник, созданный не природой, а холодным расчётом инженеров. Да, что-что, а конструкторы в «Кибертроник Машинен» точно не были идиотами – они знали толк в аэродинамике, балансе и смертоносной эффективности.

Мы летели высоко над облаками. Они проплывали под нами медленными, величественными островами, окрашенными солнцем в золотисто-розовые оттенки. Небо было бездонным, ярко-синим, почти красивым – слишком красивым для того ужаса, который я испытывал.

– Отпусти меня! – орал я, даже не осознавая, что снова приказываю. Мне было невыносимо противно находиться во власти этого механического монстра.

– Твоё желание и моё намерение совпадают. Исполняю, – ответил он с откровенным ехидством, которое резало слух.

Механические захваты разжались.

Я полетел вниз.

Меня закрутило, тело перевернулось несколько раз, ветер ударил в лицо с такой силой, что казалось – кожу сейчас сорвёт. Небо и земля поменялись местами, всё слилось в хаотичный вихрь. Это было страшное мгновение – предельно ясное и абсолютно безнадёжное. Я знал: при соприкосновении с землёй от меня не останется ничего. Ничто не могло меня спасти.

Я закрыл глаза и начал молиться. Кому – не знаю. Всем

сразу.

И тут...

– Ладно, ладно, не плачь. Я услышал твои молитвы, – раздался голос над головой.

Я открыл глаза и увидел Зубастика. Он планировал рядом со мной, уверенно и спокойно, расправив крылья. Потоки воздуха послушно несли его, чешуя блестела на солнце, а на морде играла знакомая, чуть насмешливая улыбка.

– О-о-о, дружище! – радостно воскликнул я, чувствуя, как к горлу подступают слёзы. – Ты не представляешь, что я ощущаю, видя тебя! Давай... спасай меня!

Мой питомец схватил меня за шкурку крепко, но аккуратно, так, чтобы не придушить, и резко расправил крылья. Огромные перепончатые плоскости раскрылись во всю ширину и тут же начали работать как парашют: воздух с гулом упёрся в них, скорость падения резко снизилась, а тело перестало кувыркаться. Потоки обтекали крылья, создавая устойчивое сопротивление, и мы плавно перешли из свободного падения в управляемое планирование. Я чувствовал, как вибрируют мышцы Зубастика, удерживая равновесие, и как воздух свистит между перьями и перепонками.

Мы вынырнули из облаков. Ниже расстилалась зелёная поверхность – луга, лесные массивы и редкие строения, игрушечно-маленькие с такой высоты. До земли оставалось чуть больше километра, и при нормальном развитии событий мы вполне могли бы спокойно дотянуть до посадки.

Но наше спасение не осталось незамеченным.

Сверху раздался дикий, механический рёв, разрезавший небо:

– Система опознавания «свой–чужой» не распознала объект как «свой»! Принимаю решение уничтожить воздушную цель!

Я обернулся и увидел, как дракон-киборг, сложив крылья, начал пикировать на нас, превращаясь в стремительную чёрную стрелу.

– Ах, блин! – выругался Зубастик.

Он сильнее сжал меня, прижал к груди и резко дёрнул корпус в сторону, закручиваясь в «бочку». Мир завертелся вокруг нас: небо, облака и земля поменялись местами, а перегрузка вдавила меня в драконью чешую. Манёвр был резким и точным – мы ушли с линии атаки буквально на мгновение раньше, чем мимо нас прошёл смертоносный поток энергии.

Зубастик действительно много читал о воздушных боях и знал немало приёмов уклонения. Но ему противостояла машина, созданная не для манёвров ради красоты, а для уничтожения. Киборг быстро скорректировал траекторию, снова вышел на нас и начал сокращать дистанцию. С каждой секундой становилось ясно: долго так не продержаться. Рано или поздно он сожмёт нас и впечатает в землю.

– Придётся поступить нестандартно, – тяжело вздохнул мой питомец.

Он что-то прошептал себе под нос, и я почувствовал лёг-

кую вибрацию в воздухе, будто пространство вокруг на мгновение дрогнуло. В следующую секунду киборг внезапно дёрнулся в сторону и отлетел от нас, кувыркаясь, словно его ударили невидимой рукой.

– Вижу новую цель! Принимаю решение уничтожить! – раздался его голос.

Я поднял взгляд и замер.

Перед нами в воздухе находился второй киборг-дракон. Или... его точная копия. Тот же чёрный корпус, те же крылья, те же светящиеся глаза, даже мелкие царапины на броне совпадали. Он двигался синхронно, повторяя манёвры моего дорогостоящего «питомца» с пугающей точностью, словно отражение в идеально отполированном зеркале.

Небо взорвалось звуками: рёв двигателей, вспышки лазерных выстрелов, следы ракет. Дракон-киборг бил по новой цели из всего доступного арсенала, а та отвечала тем же – лучи пересекались, ракеты взрывались в облаках, оставляя огненные цветы и дымные шлейфы.

– Что это? – ошарашенно выдохнул я.

Зубастик презрительно махнул лапой:

– Этот робот тупой как пень, несмотря на свои терабайты информации. Я немного поколдовал и создал его зеркальную копию. Теперь он сражается со своим собственным отражением – вот и всё. Он даже не понимает, насколько это бесполезно и глупо. Тьфу!

В его голосе отчётливо звучали нотки превосходства и са-

модовольства.

И действительно, киборг и его неотличимое зеркальное отражение продолжали яростно обстреливать друг друга, уходили на развороты, сходились лоб в лоб, расходились, снова атакуя, словно застряли в бесконечной, бессмысленной дуэли, не в силах осознать, что враг – это он сам.

– И долго так будет продолжаться? – спросил я, когда мы мягко опустились возле моего дома и Зубастик аккуратно поставил меня на землю.

Питомец взглянул на небо, прищурился и криво усмехнулся:

– Скоро закончится. При таком режиме аккумуляторы у этой жестянки разряжаются очень быстро.

И действительно, не прошло и часа, как в небе раздался глухой хлопок, похожий на далёкий гром. Кибердракон потерял устойчивость: его крылья судорожно дёрнулись, двигатели захлебнулись, и тяжёлая чёрная туша начала падать. Он рухнул на землю неподалёку, с оглушительным грохотом, подняв столб пыли, щебня и вырванной травы. Камни разлетелись в стороны, почва треснула, а металлические пластины корпуса смялись, как фольга.

В тот же миг его зеркальная копия начала меркнуть. Сначала потускнели очертания, затем она стала полупрозрачной, словно сделанной из тумана, и наконец рассеялась, как дым на ветру, не оставив после себя ни звука, ни следа.

Посвистывая, мы с Зубастиком подошли к месту падения.

Картина была жалкой: искорёженные крылья, вывернутые приводы, оплавленные сопла двигателей. Тем не менее голова робота всё ещё слабо шевелилась, а глаза мигали, теряя яркость.

– Я... всё равно... сильнее... умнее!.. – прохрипел он, а хвост в агонии бился о камни, высекая редкие искры.

Зубастик молча открыл свой чемодан, достал оттуда большой, увесистый молот и одним точным, безэмоциональным ударом разможил металлический череп. Раздался сухой треск, вспышка – и внутри искорёженного тела всё окончательно утихло.

– Я же говорил – барахло! – хмыкнул домашний дракон и водрузил на нос свои большие очки. – Ладно, хозяин, помогу тебе разобраться с этим металлоломом.

– Ты и так мне помог, дружище, – с облегчением сказал я и обнял его.

Зубастик слегка смутился, но всё же похлопал меня по спине:

– Ладно, ладно, не распускай нюни. А то и я сейчас слезу выдавлю!

Он действительно помог. Зубастик прекрасно разбирался в юриспруденции, и мы составили такое письмо в «Кибертроник Машинен», что там, прочитав его, решили с нами не спорить. Корпорация не только вернула мне все деньги, включая проценты по кредиту, но и выплатила солидную компенсацию за моральный и физический ущерб, приложив

извинения на нескольких страницах мелким шрифтом. Свою неудачную конструкцию они уволокли в тот же день, погрузив обломки в экранированный контейнер, и больше никогда не предлагали мне свои изделия.

А я на полученные деньги купил новый садовый инвентарь: добротные лопаты, умные, но не наглые системы полива и редкие семена. Я снова сажал цветы, возился в земле и радовался простым, живым вещам.

Зубастик же приобрёл новый телескоп и по вечерам разглядывал далёкие галактики, время от времени рассказывая мне о звёздах, туманностях и тайнах Вселенной – без высокомерия, по-дружески.

Так мы и жили: человек и дракон, каждый на своём месте, и никакая, даже самая умная машина, больше не пыталась встать между нами.

А если вы вдруг услышите, что техника может заменить дружбу, – не верьте. Это всего лишь красивая реклама.

(3 марта 2017 года, Винтертур)

Дракон и его антипод

Был хороший день. Солнце стояло высоко и мягко, будто нарочно стараясь не жечь, а ласкать. Воздух был наполнен ленивым теплом, в котором звуки растворялись, а тени подрагивали, словно от нетерпения. Где-то за окнами обещающе шуршали листья, и казалось, что сама погода намекает: самое время выйти, пройтись, дать мыслям разбредиться по аллеям вместе с шагами. Казалось, время для прогулок.

Увы, нас занимали другие дела.

Мы с Зубастиком находились в библиотеке и читали каждый своё – по интеллекту и интересу. Ну, это у моего дракона в каморке была огромная библиотека, и поэтому, если честно, я находился у него, заняв небольшое кресло, тогда как он восседал на диване под свой размер.

Библиотека поражала воображение. Стеллажи поднимались до самого потолка, теряясь в полумраке, а между ними вились узкие проходы, словно тропинки в древнем лесу знаний. Книги были разными: одни – в потрёпанных кожаных переплётах с тиснёнными символами, другие – с металлическими застёжками, третьи – слегка светились, будто внутри них тлел собственный разум. В воздухе стоял густой запах старой бумаги, пыли, чернил и едва уловимый аромат озона – след магических экспериментов. Иногда какая-нибудь

книга тихо шуршала страницами сама по себе, словно вспоминая прочитанное.

Я устроился в небольшом кресле, которое по меркам дракона годилось разве что для гостя-гнома, а Зубастик развалился на массивном диване, специально укреплённом чарами, чтобы не рассыпаться под его весом. Правда, его книги мне были не по силу осилить – уж больно много магии и науки там было. Я предпочитал лёгкую литературу – журналы, где больше двигающихся фотографий и меньше заумного текста.

Мой журнал был ярким, глянцевым, страницы в нём шуршали весело, а иллюстрации иногда действительно шевелились: дракон-модель моргал, реклама самонагревающегося чайника подмигивала, а схема «десять способов узнать, что ваш сосед – оборотень» сама перелистывалась, если задержаться слишком долго. Тексты были короткими, нарочито простыми, с крупными заголовками и обещаниями сенсаций на каждом развороте.

Зубастик же, наоборот, поглощал фолианты сложного математического труда об интегралах третьего порядка. Это был увесистый том с серым, почти каменным переплётом, испещрённым формулами вместо узоров. На страницах теснились символы, дроби, знаки сумм и интегралов, уходящие в несколько уровней вложенности. Там рассматривались многомерные пространства, искривлённые поля и способы вычислить то, что в принципе не хотело вычисляться. Фор-

мулы переплетались с комментариями на древнедраконьем наречии, а некоторые абзацы сопровождались магическими диаграммами, которые медленно вращались, помогая понять смысл.

При этом он попивал из большой кружки кофе. Кружка была размером с ведро, керамическая, с трещинками от времени и надписью: «Не трогать до третьей чашки». От неё поднимался густой аромат обжаренных зёрен, горький и бодрящий, а сам кофе был настолько крепким, что, казалось, мог растворить ложку. Зубастик делал медленные, вдумчивые глотки, словно подпитывал не только тело, но и мыслительный процесс.

У него был такой вид, что вот-вот получит Нобелевскую премию в области квантовой механики или там молекулярной физики: слегка нахмуренные бровные гребни, сосредоточенный взгляд, кончик хвоста, задумчиво постукивающий по полу.

В одно мгновение я отложил журнал «Любопытные новости» – издание, специализирующееся на странностях мира: загадочные исчезновения носков, интервью с говорящими грибами, рейтинги самых нелепых проклятий недели и рубрика «Наука, но не слишком». И, потягиваясь, чтобы размять мышцы от долгого скованного сидения, спросил:

– Слышь, дружище, у драконов есть естественные враги?
– Чего? – не понял дракон, оторвавшись от толстого тома. Его глаза были туманными, словно он только что вы-

нырнул из глубин сложных расчётов: зрачки слегка расширены, взгляд расфокусирован, а на рогах ещё будто задержались отблески формул. – Какие враги?

– Тут пишут, – и я указал на страницу в журнале, – что в природе гармонично всё, в том числе и наличие врагов. Например, естественным врагом зайцев является волк, мышей – кошка, воробьёв – сокол, червяков – птицы. Если нет врагов, то животные вымирают, так как нет эволюции...

Мой вопрос оказался неожиданным для питомца. Он замер, медленно моргнул, закрыл книгу пальцем-когтем и задумался. Его хвост перестал двигаться, а уши чуть дёрнулись – верный признак того, что я попал в точку, о которой он раньше не задумывался.

– Хм, – Зубастик отложил книгу и поправил очки на морде. – Впервые слышу, хозяин, чтобы тебя заинтересовали научные трактаты... Хотя твой журнал – набор сплетен и небылиц, однако, судя по всему, кое-когда в нём проскальзывают здравые мысли. Ты прав, без естественного противника у особей нет эволюционного развития, нет естественного отбора, ведь в дикой природе выживает сильнейший... враг – это борьба за существование, это наследственная изменчивость и адаптация.

– Но вы не вымерли, значит, враги есть? – хитро подмигнул я дракону, радуясь, что задал каверзный и умный вопрос. В груди даже разлилось тёплое чувство собственной сообразительности.

Тот тяжело вздохнул и сказал:

– Ты прав, хозяин. Есть. Правда, этого «естественного» врага мы создали сами...

Я в недоумении повертел головой:

– Как это? Поясни.

Питомец опять вздохнул и снял уже очки, аккуратно положив их на край столика, словно боялся спугнуть мысль. После этого он стал медленно крутить хвостом – лениво, по кругу, но с заметным напряжением: кончик хвоста то и дело подрагивал, задевая ножки мебели, а иногда с глухим стуком ударялся о пол, выдавая его внутреннее беспокойство.

– Ты слушал легенду о гомункулесе? Нет?.. Так слушай: когда-то – а точной даты никто не знает – один старый еврей, профессор-алхимик из Пражского университета решил создать искусственного человека, используя магию и науку. Ему тоже хотелось стать Богом. И он его сотворил из глины. Так появился гомункулус – хитрый и жадный, который внешне напоминал человека, но не имел никакого генетического сходства с «хомо сапиенсом»...

– С кем? – не понял я.

– Ну, с вами, с людьми... «Хомо сапиенс», «Хомо эректус», «Хомо неандерталус»... Ладно, хозяин, не вбивай себе в голову... – дракон запнулся, видимо, осознав, что в латыни я не спец.

Я только протянул:

– А-а-а...

– Так вот, этот гомункулус возненавидел своего создателя и стал мстить ему за то, что он маленький, некрасивый и бедный. Так у человека появился естественный враг...

– Но у меня нет врагов, – сказал я. – Я никогда не видел этого гомункулуса.

– Есть, есть, просто ты их не видишь, – «успокоил» меня дракон. – И я отпугиваю их... Но сейчас речь не о вас, людях, а о драконах и их естественных врагах. У нас тоже был такой умник – профессор Драхилий фон Шпрингер, дракон из шпенглераевского рода.

При упоминании имени Зубастик нахмурился. Драхилий фон Шпрингер, по его словам, был высоким даже по драконьим меркам, с узкой вытянутой мордой и холодными, почти стеклянными глазами. Его чешуя имела редкий пепельно-серебристый оттенок, а движения были резкими, отрывистыми – как у существа, привыкшего повелевать формулами, а не стихиями. Он носил длинный ученый плащ, расшитый рунами, и презирал старые драконьи традиции, считая их «архаикой, тормозящей прогресс».

– Он решил создать такого гомункулуса, и это было несколько тысяч лет назад, до истории с пражским алхимиком. И при помощи магии и науки сотворил циклопа.

– Циклопа? Э-э-э... Я думал, это древнегреческие мифы... – ошарашенно произнес я. – Одиссей боролся с одним из них – это я помню из Истории Древнего мира...

Перед моим взором пронесся циклоп: громадное суще-

ство с перекошенной, словно высеченной из камня фигурой, с одной-единственной огромной глазницей посреди лба. Кожа его была грубой, серо-бурой, будто покрытой трещинами, а изо рта торчали кривые зубы, похожие на обломки скал. Он тяжело дышал, сжимая в руках дубину, и от одного его взгляда веяло тупой, но опасной яростью. Я потряс головой, и видение исчезло.

– Какие там к чёрту мифы! Это греки украли историю о циклопах у нас, драконов. А циклопы – это жулики и прохиндеи, хулиганы и бездельники. Так вот, сотворённый циклоп Квинтусс решил, что он умнее и сильнее своего создателя, и попытался, в свою очередь, подчинить себе его. И произошла жуткая схватка, при которой никто победителем не стал, но зато весь город остался в руинах, а позже его занесло песком. Ну, профессор Драхилий фон Шпрингер лишился крыльев, а Квинтусс – одного глаза, поэтому он и его потомки стали после этого одноглазыми, а шпенглераевские драконы – бескрылыми. И с тех пор у нас есть естественный враг. Циклопы – это вредные, злые и коварные создания, от них у драконов всегда проблемы.

И тут Зубастик развёл крыльями, словно руками, – широко, резко, с явным всплеском эмоций. Перепонки натянулись, а в глазах мелькнула смесь гнева, обиды и усталости, как у того, кто вынужден веками жить с чужой ошибкой.

– Ого! – выдавил я из себя.

– Вот именно – ого! Но природа внесла равновесие в эво-

люцию циклопов и драконов: если вылупляется дракон, то автоматически где-то на Земле вылупляется и циклоп. То есть у каждого дракона есть антипод – циклоп. Но если умрёт или дракон, или циклоп, то это не ведёт к смерти антипода. Этот профессор вторгся в сферу высшей материи, в эволюцию нашего вида, за что мы, потомки, ему совсем не благодарны!

И тут дракон позеленел от злости. Его чешуя изменила оттенок, словно по ней прошла волна ядовитого света, ноздри расширились, из пасти вырвался тонкий дымок, а когти медленно, с противным скрежетом, вонзились в обивку дивана. Было ясно: если бы Драхилий фон Шпрингер стоял сейчас перед ним – библиотека бы этого не пережила.

– Э-э-э, дружище, значит, и у тебя есть этот... антипод? – обалдевшим голосом спросил я.

И косо посмотрел на валявшиеся под ногами развлекательные журналы. Яркие обложки с кричащими заголовками про «десять способов разбогатеть за ночь» и «сенсацию недели» вдруг показались плоскими, пустыми и до смешного неуместными. После рассказа домашнего питомца вся эта глянцева мишура выглядела детской забавой на фоне древней вражды и разрушенных городов.

– Увы, есть. Когда я родился, то родители мне сразу выковали меч.

Мне аж поплохело от этих слов.

– Меч? Зачем?

Но Зубастик яростно произнёс ответ – так, что его глаза сверкнули, словно алмазы на солнце. От этой вспышки по комнате прошла волна жара, и занавеси на окнах начали тлеть, покрываясь тёмными прожогами. Я едва успел сорвать одну из них и сбить огонь, хлопая тканью и ругаясь про себя. Сердце колотилось, а в нос ударил запах гари.

– Мы с циклопами – антагонисты и обречены на вражду. Драконам куют мечи, волшебные, конечно. Оружие вначале маленькое, под ребёнка, но когда дракон вырастает, то увеличивается в размерах и меч. Такое же делают и циклопы – у них оружием является дубинка из железного дерева, очень прочной древесины. Нас готовят к войне друг с другом, – пояснил Зубастик, уже тише, вздыхая от тяжёлых дум. – И схватки бывают жаркие, порой города и посёлки остаются в руинах, по земле катятся отрубленные и разбитые головы.

Я несколько минут молчал, обдумывая услышанное – уж слишком неприятной и мрачной казалась эта история драконов. В воображении вставали картины сражений: пылающие дома, обрушенные башни, гигантские тени, сходящиеся в дыму, звон металла о дерево, крики и грохот, от которых дрожит сама земля. Мне стало не по себе.

А потом я спросил, глядя прямо в глаза дракону:

– А у тебя кто антипод?

Мой вопрос, конечно, не застал врасплох Зубастика, однако отвечать он явно не хотел. Он отвёл взгляд, сжал когти, затем снова посмотрел на меня. Но от хозяина скрывать правду

нельзя – таковы принципы воспитания драконов: честность, ответственность и верность тем, кто рядом. Скривив морду, он всё-таки выдал:

– Циклоп по имени Киклобус. Мы родились одновременно. Я – недалеко от нашего города, он – в Австралии, и сразу почувствовали друг друга. В этом и есть магическая связь драконов и циклопов: антиподы чувствуют и знают о существовании друг друга. То есть я не спутаю своего антипода с другим. Но бывает так, что антиподы и не встречаются и спокойно доживают свой век. Всё зависит от обстоятельств, ситуации и времени. То есть, хозяин, мой «естественный враг» может и не прийти сюда.

Информация о наличии врага у моего питомца меня совсем не радовала. К тому же мне совершенно не хотелось однажды встретить у себя дома одноглазого громилу, размахивающего дубиной из железного дерева. Я невольно представил, как такая махина проламывает стену, и меня передёрнуло. Как бы не попасть под его горячую руку – это дракону легко пережить удар такой силы, а вот от человека останется лишь смятая, бесформенная клякса. Получается, я становлюсь некой случайной жертвой?

Я как-то неосознанно отодвинулся в сторону, словно от самого Зубастика исходила угроза. Он это заметил и сразу осерчал – прищурился, фыркнул, расправил плечи.

– Ты, хозяин, не пугайся. Мой антипод ещё ничего...

Я опешил:

– Э, как ничего? Дубинка – это «ничего»?.. Ты его видел-то, этого Кицлю... как его там? – и я забежал по библиотеке, размахивая руками и нервно переступая через стопки журналов. В спешке я задел несколько полок, книги посыпались на пол, но тут же, словно обидевшись на небрежность, сами расправили страницы, вспорхнули и аккуратно вернулись на свои места. Одна даже неодобрительно хлопнула переплётом, прежде чем занять прежнюю позицию.

– Киклобус. Да, видал, хозяин, судьба столкнула нас. На Ежегодном фестивале популярной музыки в Морис-Шлоссе, – произнёс дракон и откинулся на спинку дивана. Он совершенно забыл о своих научных брошюрах: том про интегралы сполз на пол, кофе остыл, а выражение морды стало мечтательно-рассеянным. В тот момент было очевидно: если бы Нобелевский комитет видел его сейчас, премия в этом году всё равно уплыла бы другому – слишком уж далеко его мысли ушли от формул.

– Да, мы почувствовали друг друга сразу, и он мне, естественно, не понравился. Здоровый такой, волосатый, одет как хиппи, пилотные очки на один глаз, в руках двадцатипятиструнная гитара весом в пять тонн. Неприятный тип. Несло от него перегаром – большой любитель пива. И я на его фоне – элегантный, весёлый, интеллигентный, в парфюме от французских домов моды, в руках держу саксафон.

Пока дракон говорил, моё воображение услужливо нарисовало картину: яркая сцена, огни софитов, толпа, а на од-

ном краю – косматый циклоп в рваной рубаше, с торчащими во все стороны волосами, лениво бренчащий по струнам своей чудовищной гитары. И напротив – Зубастик, блестящий, ухоженный, с лоснящейся чешуёй, в стильном костюме, держащий саксафон с видом светского льва. Контраст был настолько нелепым, что мне захотелось рассмеяться.

– Твой саксафон тоже весит тонны три, – заметил я, вспомнив, как Зубастик однажды пытался внести сей инструмент в свою каморку. Он тогда застрял в дверном проёме, а от первой же попытки сыграть с потолка посыпалась штукатурка, оседая белой пылью мне на голову. После этого я без разговоров прогнал его выдувать музыку в горы, что в ста километрах от нашего дома.

Мой укор был болезненно воспринят питомцем: он дёрнул крылом, нахмурился, фыркнул и на мгновение стал похож на обиженного подростка. В глазах мелькнула искра, но он благоразумно решил не реагировать и продолжил, сделав вид, что ничего не произошло:

– Это был фестиваль, где участвовали как знаменитые, так и непрофессионалы эстрады и поп-музыки, и я чувствовал себя там прекрасно, пока не появился этот тип. Не скрою, хозяин, его присутствие меня напрягло, я испытывал дискомфорт, даже меч начал расти в лапах, но я вовремя его успокоил и вложил в ножны. Можно было покинуть площадку, однако не отказываться же мне от участия из-за антипода, – тут Зубастик прокрутил хвостом в воздухе какую-то слож-

ную геометрическую фигуру: спираль, переходящую в восьмёрку, затем в треугольник. При этом он умудрился не задевать ничего вокруг – ни полки, ни стол, ни даже хрупкую люстру, что само по себе было маленьким чудом. – И я остался. И Киклобус тоже.

За окном в это время прыгали воробьи, чирикали, перекликаясь друг с другом, солнце мягко грело землю, и лёгкие испарения поднимались от нагретых крыш и асфальта, делая воздух дрожащим и ленивым. Мир жил своей спокойной жизнью, совершенно не подозревая о древней вражде. А Зубастик не обращал на всё это никакого внимания и продолжал рассказ:

– Когда объявили меня, то я вышел с саксафоном под аплодисменты зрителей, некоторые знали меня по другим фестивалям и были рады, – продолжал дракон, закатив глаза от приятных воспоминаний. – На мне – шляпа, костюм от драконьей марки «Друшлагус», сапоги «Мальтур»: чёрная кожа, ручная работа, лёгкий блеск, подчёркивающий статус. Короче, я блистал. И с высоты эстрады увидел его, Киклобуса, сразу опознал в нём моего антипода, «естественного врага». Он смотрел на меня злобно, плевался, ковырялся в носу, размазывая всё по ладони, – абсолютно невоспитанная скотина! За спиной – рюкзак, полный банок дешёвого пива «Злобус чёрный».

– И что было дальше? – торопил я, слушая рассказ Зубастика. Мне было жутко интересно, словно я стоял на краю

пропасти и ждал, что сейчас откроется страшная и одновременно завораживающая панорама. Сердце колотилось, дыхание сбивалось, а глаза сами искали каждый жест и каждое движение дракона, будто в его словах оживала целая вселенная.

Дракон ухмыльнулся и, сделав глубокий вдох, дыханием зажег несколько свечей, подвешенных к потолку на длинных цепях. Пламя мягко взметнулось и танцевало на стенах, отбрасывая трепещущие тени. Электрическую люстру он, само собой разумеется, отключил – щелчок когтя, и комната погрузилась в полуосвещённый, почти театральный полумрак. Стало одновременно забавно и жутко: свечи бросали странные узоры на книги, на пол и на наши лица, а библиотека словно ожила, готовясь к магическому действию.

– Я начал выдувать из меди первые ноты, и народ уже был ошеломлен музыкой, которую, кстати, сочинил сам. Это была лирика: медленные, извивающиеся линии мелодии, будто струи воды, переливались через воздух, нарастали и сплетались в сложные узоры. Иногда казалось, что сама мелодия разговаривает со слушателями – трепещут сердца, появляются мурашки по коже, слёзы появляются сами собой. Я брал разные регистры, играл виртуозно, а толпа бурлила, одни плакали от умиления, другие – от восторга. И только этот тип продолжал вытаскивать козявки из горбатого носа и пялить на меня единственный глаз, зрачок которого был скрыт под линзой очков. Он злился, и это, как ни странно,

меня воодушевляло: я понял, что своей игрой демонстрирую свой острый ум, талант и дарование. Когда закончил, то минут десять мне аплодировали и не отпускали со сцены.

– Это был триумф! – и Зубастик закатил глаза, полностью погрузившись в воспоминания. Его взгляд стал мечтательным, губы чуть дёргались в улыбке, а крылья сжались у него за спиной, словно он снова ощущал лёгкое дрожание сцены под лапами. Он замолчал, и я наблюдал, как дракон утонул в радостной памяти. Так он сидел минут десять, пока моё терпение не лопнуло, и мне пришлось вернуть его в реальность лёгким пинком по крылу:

– Э-э, продолжай!

– Ах, да, – очнулся Зубастик, встряхнувшись, будто стряхивая со шкуры воспоминания. – Итак, я сошёл со сцены под крики «Браво!», «Супер!», «Зубастик – ты наш кумир!». Море цветов, вспышки фотокамер, люди ликуют. И тут объявили... этого циклопа. Словно специально так задумали, чтобы меня подразнить, – сердито произнёс дракон. – Организаторы потом поясняли, что очередность определялась по филианскому алфавиту, а там за буквой «З» следует «К», и поэтому Киклобус оказался после меня. Я вернулся к зрителям и уставился на этого типчика. А тот зыркнул на меня с превосходством и ударил по струнам. Играл он противно, нервно, одна какафония струн. Но что меня поразило – он играл рок... по моей мелодии! То есть, он украл мою музыку! Это был плагиат сущей формы!

– Да ты что! – поразился я. – А как он мог у тебя украсть, если до этого вы не встречались? Или ты уже играл эту композицию?

– В том-то и дело, что я сочинил её за полчаса до выступления и проигрывал в голове, – прошипел Зубастик. – Но мои мысли, наверное, уловил циклоп и проиграл её на свой манер. Правда, он добавлял свои ноты, чем исказил, точнее, испоганил всю музыку. Когда он закончил, то и ему захлопали, правда, не так интенсивно и массово, как мне. Я же вскочил и заорал: «Ты украл мою музыку, негодяй!»

Я вздрогнул. Мне стало обидно за моего питомца, и поэтому выдавил из себя:

– А циклоп? Что сказало это волосатое одноглазое чудище?

Зубастик вскочил и стал быстро шагать по библиотеке. Словно по команде, все книги слетели с полок и устремились за ним ровным строем. Они парили в воздухе, страницы шуршали, как военные марширующие шаги, переплетения щёлкали, как сапоги солдат по мостовой, а иногда отдельные книги слегка подпрыгивали, словно делая кульбит, прежде чем снова выстроиться в строй. Остановившись, дракон повернулся ко мне и сказал:

– Он вздрогнул от изумления и крикнул, что это я украл его мелодию! И тут пошла перепалка! Зрители ошеломленно смотрели на нас. Этот антипод клеймил меня, я же требовал судебного разбирательства! А потом не сдержался и

дыхнул на него огнём, подпалив дурацкую причёску. Волосы у него вспыхнули ярким пламенем, закручивались в языки огня, потрескивая и источая запах палёного, но огонь успели потушить пожарники, которые всегда дежурили у сцены – в полной готовности к дракам или любому дракону с плохим характером.

Я ошарашенно протянул:

– И что было дальше?

– А дальше этот болван скрутил мне крылья за спиной в морской узел, который развязывали потом несколько часов. – Зубастик вздрогнул, будто снова чувствовал ту боль, и я видел, как каждая мышца на его крыльях и спине напрягалась в памяти события. – Но в отместку я выхватил его гитару, порвал все струны, а саму гитару сломал о его глупую башку. Одни щепки остались, посыпались на пол и полетели, словно осыпанные чешуйки дракона.

Меня трясло от волнения:

– А циклоп?

– А этот хиппи-одноглазый согнул мой саксафон в медный жгут и бросил его к моим лапам. И тут я совсем разозлился от такого кощунства и выхватил меч. Это был вызов, от которого нельзя было отказываться.

Я свалился на кресло и обалдело уставился на дракона. А тот продолжал шагать по помещению, весь взволнованный, будто кровь в венах кипела, чешуя слегка блестела от напряжения, глаза сверкали, хвост дергал по полу, а когти царапа-

ли паркет с мягким, но жутким скрежетом.

– А меч откуда? Ты что, и на сцену его взял? – в недоумении спросил я.

– Драконы всегда его носят, я же говорил! – с лёгкой гордостью ответил Зубастик. – Он магический – быстро вырастает из размера булавки в клинок несколько метров. У циклопов дубинки проходят такой же процесс – из палки в огромную колонну, чем можно поддерживать крыши дворцов. И вместо концерта у нас началась схватка. Народ визжал в ужасе, полиция не знала, как нас разнять – всё-таки дракон и циклоп, не букашки! Искры, грохот, шум – настоящая схватка, в которую мы вложили все силы, нервы, злость и упрямство. Мой антипод умело фехтовался, но и я был профессионалом клинка. В итоге праздник был испорчен из-за этого идиота! Мы сражались, практически разрушив сцену и пару строений рядом, пока один из музыкальных судей – старый, лысеющий человек с очками в круглой оправе, всегда с блокнотом в руках, который пристально фиксировал каждую ноту и каждое движение, – не прокричал нам: «Эй, стойте! Ведь вы оба талантливы!» И это нас остановило в полном изумлении.

И тут Зубастик замер, словно пережил снова тот момент: крылья слегка задрожали, хвост замер в воздухе, глаза сжались в концентрированном, почти болезненном воспоминании, а чешуя на морде на мгновение изменила оттенок – оттенки страха, злости и удивления смешались в нём, будто он

вернулся в тот самый день.

– Да? – удивился я, зная неудержимый характер своего питомца.

– Да, хозяин. – Он глубоко вздохнул. – Судья продолжал кричать: «И Зубастик, и Киклобус сыграли великолепную мелодию на своих инструментах! Почему бы вам не сыграть дуэтом? Ведь гитара так сочетается с саксафоном! И вы совместите свои музыкальные строки в одну композицию! Хватит быть антиподами друг другу!»

И мы остановились, удивлённые таким простым решением. Оказалось, ни я, ни он не такие уж и вояки, просто традиции и культура вынуждали нас решать нашу вражду силовым методом. Циклоп смущённо спрятал дубинку, я тоже, краснея, убрал оружие. Нам стало стыдно за то, что мы испортили праздник всем собравшимся своим недостойным поведением. Хорошо, что не дисквалифицировали. Наверное, все понимали эту глупую проблему «естественных врагов».

– Ну, что было дальше? – торопил я к итогу Зубастика.

Тот хмыкнул:

– А дальше я с помощью магии восстановил гитару. А Киклобус своей силой выпрямил и вернул прежнюю форму саксафону. Леприконы, что были в числе жюри, быстро отремонтировали сцену. И мы, вначале смущаясь, стали играть вместе. И у нас всё получилось! Наша музыка была настолько оглушительной и эффектной, что нам сразу присудили первое место и дали Главный приз.

– А что за приз?

– Пиво пятитысячелетней выдержки в сосуде, напоминающем скрипичный ключ. Литров на семьсот.

– Ого-го! Неужели выпили? – удивился я, зная, как выдержан дракон от алкоголя.

– Нет, конечно, хозяин! – сказал Зубастик. – Я все отнекивался, но Киклобус настаивал, мол, нельзя оставлять «скрипичный ключ» полным, необходимо опустошить. И я обещал сделать позже...

– И когда? – спросил я. Мне было любопытно.

В этот момент дракон вздохнул, втянул ноздри и настороженно замер, словно учуял что-то неладное в воздухе. Чешуя на лбу слегка поблёскивала, глаза сузились, хвост дернулся в сторону двери – было видно, что его что-то вдруг обеспокоило.

– Как скоро? – не понял я.

В этот момент раздался стук в дверях. Я, чертыхаясь, вышел из каморки Зубастика, прошёл в коридор и открыл дверь.

И застыл.

Передо мной возвышался циклоп: здоровенный, волосатый, в рваном джинсовом костюме, пилотные очки на один глаз слегка сползали, ковбойская шляпа скрывала лысину – результат опалённой кожи, видимо, прошлых боевых приключений. За спиной у него болталась гитара, а в руках этот детина держал стеклянный скрипичный ключ, внутри ко-

торого бултыхалась тёмная, янтарно-коричневая жидкость, мерцающая на свету, будто в ней играли тени пламени.

– Привет! Так ты хозяин Зубастика?! – заорал циклоп, будто его голос мог сдвинуть стены. – Я – Киклобус, лучший друг твоего дракона! Пришёл распить с вами наш приз! Не держать же его мне двести лет!

Я переглянулся с Зубастиком. Тот едва заметно усмехнулся, ноздри чуть дрожали от предвкушения.

– Знаешь что, – сказал дракон, – хозяин, пожалуй, стоит не спорить. Лучше пригласим гостя.

Мы втроём поднялись в гостиную, осторожно поставили скрипичный ключ на стол. Циклоп смотрел на нас, потом на приз, потом снова на Зубастика. И вдруг мы начали смеяться – сначала робко, потом всё громче.

Сначала мы отпили по капле, потом ещё, а музыка и смех словно растянулись по комнате, переплетаясь с солнечными лучами, которые залетали через окно. И произошло невероятное: дракон и циклоп, заклятые антиподы, впервые за тысячу лет почувствовали настоящую дружбу, а не вражду.

С тех пор они устраивали совместные концерты, делились опытом, смеялись и шутили друг с другом. А главное, никто больше не видел в них врагов – только два странных, но гениальных музыканта, которые вместе могли согреть сердца любого слушателя.

И я понял: иногда естественные враги становятся лучшими друзьями – если есть музыка, смех и готовность оставить

старые счёты позади.

На этом наша сказка и закончилась, а за окном солнце светило ярче, чем когда-либо, и воробьи, казалось, чирикали в такт музыке, которой уже не было конца

(1 сентября 2017 года, Элгг)

Дракон и инопланетяне

Стояла весна. Та самая, настоящая: с рыхлой, тёплой землёй, пахнувшей влагой и прошлогодней листвой, с робкими зелёными стрелками травы и прозрачным небом, в котором облака плыли медленно, как ленивые овцы. Воздух был наполнен звоном – жужжали насекомые, перекликались птицы, а солнце светило уже не по-зимнему осторожно, а уверенно, будто знало: его время пришло.

Я копался в огороде, сажая дыни, когда сверху свалилась тарелка.

Нет, это не была обычная посуда, какая стояла на кухне. Это была какая-то большая металлическая конструкция в форме глубокой тарелки, только на трёх телескопических ножках, которые выдвигались и складывались с мягким щелчком, будто суставы у живого существа. Поверхность её была матовой, серо-стальной, без швов и болтов, словно её вылили целиком. По ободу бежали тонкие светящиеся линии, а в центре пульсировал круг, меняя цвет от бледно-жёлтого до холодного голубого.

Она негромко жужжала и изливала жёлтый и голубой свет, пугая не только меня, но и летящих пчёл, прыгающих воробьёв и ползающих кротов, коих в моём огороде было немало. Живность вела себя странно: воробьи разом разлетелись,

кроты вылезли на поверхность и тут же снова зарылись, а пчёлы заметались, будто потеряли ориентир. Иногда от конструкции отлетали искры – сухие, резкие, как у бенгальского огня в новогоднюю ночь. И у меня возникло серьёзное опасение пожара: погода стояла сухая, трава уже подсохла, а деревья могли вспыхнуть даже от небольшой искры. Я невольно сделал шаг назад, прикидывая, куда бежать, если полыхнёт.

Я был один в этот момент, не считая какого-то шмеля, который постоянно крутился над моей головой. Он гудел низко и недовольно, словно комментировал происходящее, иногда зависал прямо перед моим лицом, а потом снова описывал круги, явно не понимая, что за безобразие вторглось на его территорию.

Мой питомец – дракон Зубастик – как всегда занимался своими делами. Где-то в своей камерке он что-то чертил на бумаге, считал в уме, бормотал формулы, короче, изобретал и сюда носа не показывал. Иногда оттуда доносился скрип пера, иногда – глухой хлопок, словно он хлопал себя по лбу, а иногда – радостное «Ага!». Не зря его недавно утвердили в звании «Почётного профессора»: он этим гордился, но, надо отдать должное, не зазнался... почти. Загордился ровно настолько, чтобы забыть о домашних обязанностях. Всё взвалил на меня, а сам коротко отвечал:

– Хозяин, я занят... Как-нибудь без меня.

Это был прозрачный намёк: подметать полы и копать зем-

лю нынче ему не по статусу.

Ругаться с профессором не подобало, и я отправился по другую сторону дома, где располагались грядки с овощами и плодами, и привычно перекапывал землю. Лопата входила в почву мягко, комья рассыпались, пахло корнями и сыростью, и всё шло своим чередом – до того самого момента, как эта штука прилетела с неба и озадачила меня окончательно. Особенно в той части, когда вдруг в её боку проявилась дыра, словно металл стал жидким, и из неё посыпались... кирпичи.

Нет, это тоже не были кирпичи в нашем понимании, хотя по форме и цвету они уж больно походили на строительный материал. Только были они большими – в пол моего роста – и у каждого имелось семь или восемь коротких конечностей, торчащих из боков. Эти «лапки» шевелились, цеплялись за землю, а сами кирпичи негромко жужжали – видимо, это была форма их коммуникационной связи.

Может, их понимали пчёлы, потому что те вдруг разом улетели прочь, за исключением всё того же шмеля. Он завис неподвижно в воздухе, как подвешенный на нитке, и тоже с явным недоумением наблюдал за незваными гостями, слегка наклоняя тело то в одну, то в другую сторону.

– Жжжж-жуууу... жж-жааааа... жжж-жыыы... – доносилась от них непривычная для моего восприятия речь. Звуки были вибрирующие, тянущиеся, с переливами, будто несколько старых трансформаторов пытались петь хором.

Они чего-то от меня хотели, окружив полуколышом и шевеля странными конечностями. Ни глаз, ни носа, ни ушей, ни рта... Откуда тогда эти звуки?

Приглядевшись, я заметил, что звуки исходят от самого тела, как будто внутри у них работал механизм, похожий на будильник, издающий трель из глубины корпуса. Видимо, орган речи у них располагался внутри. При этом их поверхность темнела, переходя из рыжевато-коричневой в почти чёрную – возможно, так проявлялись их чувства. Вот только было совершенно непонятно, радость это или злость.

– Я ничего не понимаю! – сердито произнёс я, сжав покрепче лопату. В этот момент мне показалось, что орудие труда вполне может превратиться и в оружие защиты, если умело дать ковшом по конечностям кирпича, который приблизился ко мне на подозрительно интимное расстояние.

– Гжжж-жююю... бзжиуу-зууу... – в несколько иной интонации продолжили кирпичи и бесцеремонно схватили меня за ноги своими короткими, но неожиданно сильными конечностями, потянув куда-то в сторону. Это было уже слишком. Такое не могло не возмутить даже меня, обычно степенного и спокойного.

– Пошли прочь! – крикнул я и трахнул лопатой по самому наглomu кирпичу, который буквально толкал меня в спину.

Металл высек искры. Кирпич завертелся на месте, как юла, его жужжание стало резким, визгливым, явно возмущённым:

– Бзээээ-ээ-уууу! Бжиаааа-ууууу!

На его теле остался серо-зеленоватый след – глубокая полоса, будто шрам.

И я понял: весна в этом году будет... необычной.

Не знаю, был ли это призыв, негодование или нечто третье, однако кирпичи разом отскочили от меня и почти одновременно поменяли цвет. Их рыжевато-бурые поверхности потемнели, словно по ним пролили густую нефть: оттенки ушли в глубокий чёрный с металлическим блеском, а по телам пробежали едва заметные пульсирующие прожилки, как трещины в обсидиане. Конечности напряглись, вытянулись, движения стали резкими и слаженными – в них больше не было суеты, только холодная решимость.

Потом они разом окружили меня плотным кольцом и начали пищать уже не разрозненно, а вместе, синхронно, отчетливого звук стал гнетущим, давящим на уши:

– Бжууу-жуууу!... Гжууу-ээ-эуууу!...

Писк был пронзительный, с вибрацией, от которой дрожали зубы и внутри грудной клетки неприятно резонировало, будто меня превратили в часть их странного инструмента.

В этот момент из тарелки вырвался зелёный луч. Он ударил мне прямо в глаза. Я зажмурился – свет не жёг зрачки, не ослеплял, но сам факт такого воздействия напугал до дрожи. И не напрасно: я внезапно почувствовал, что теряю вес. Не в переносном смысле – буквально. Земля ушла из-под ног, и они оторвались от почвы. Я стал подниматься в воздух мед-

ленно и неумолимо, как воздушный шарик, наполненный гелием, – без рывков, без ускорения, словно так и должно быть.

Открыв глаза, я увидел, как огород стремительно уменьшается вниз: грядки слились в полосы, дом стал игрушечным, а тарелка нависала надо мной, открывая в своём корпусе дыру, края которой плавно переливались, будто металл был живым и текучим.

– Эй-эй, что вы, камни тупые, делаете?! – заорал я, понимая, что висну на высоте метров сорок, а зелёный луч медленно, но уверенно втягивает меня в это отверстие. Паника накрыла с головой. Я размахивал руками, но воздух был плотным, вязким, словно я плыл в невидимой воде. Колдовство какое-то, не иначе!

Шмель, который ни на секунду не покидал меня, вдруг дико взвизгнул, словно обжёгся, и стрелой рванул в сторону, оставив за собой рваный зигзаг полёта. Его гудение оборвалось резко, как перерезанная струна. Я даже не успел проследить, куда он делся, потому что в следующий миг оказался внутри этой странной посуды.

А дальше – пустота.

Меня отрубил. Словно кто-то щёлкнул выключателем: погасло зрение, исчез слух, распалась мысль. Память свернулась, как плохо сложенная простыня. Не было ни темноты, ни света – просто небытие. Возможно, это и был сон, но сон без образов, без времени, без меня самого.

Очнулся я спустя неизвестно сколько. Не могу сказать,

долго ли был в отключке: в этом месте не существовало ни дня, ни ночи. Я находился в замкнутом пространстве, белом, словно заполненном густым молочным туманом. Свет был рассеянным, без источника, а дальше пяти метров ничего не просматривалось – всё тонуло в однородной пелене.

– Ух ты, что за чёрт? – пробормотал я ошарашенно... и тут же вздрогнул.

Мой голос был не мой. Он тянулся, булькал, дрожал, будто звучал через воду или из глубокой трясины, словно говорила лягушка в болоте:

– У-у-х-х-х... т-т-ты-ы-ы... ч-ч-т-то-о-о... з-за-а-а-а...

Меня передёрнуло. Я потряс головой, пытаюсь собрать мысли в кучу. Вспомнил грабли, лопату, весну. Потом – тарелку. Потом кирпичи. Кстати, где они? Эти камнепоиды явно затащили меня сюда своим лучом.

И тут из тумана выползло нечто.

Большое. Массивное. Оно двигалось тяжело, уверенно, и с каждым шагом туман словно отступал перед ним. Существо было заковано в тёмную броню с резкими углами и сегментами, на которых играли тусклые отблески. От его вида внутри всё сжалось: холод пробежал по спине, ладони вспотели, а сердце ухнуло куда-то вниз. Я попятился, не скрывая ужаса. Душа ушла в пятки, и в тот момент я искренне подумал, что кирпичи выглядели куда милее – уж лучше бы они появились снова.

И вдруг я услышал знакомый голос:

– Хозяин, тебя на пять минут оставить нельзя одного! Обязательно вляпаешься в гнусную историю!

Из стекла шлема на меня глядела, ухмыляясь, морда Зубастика. Он явно был доволен ситуацией. Хотя слово «улыбка» к драконам применимо условно: он скалил клыки в порыве положительных эмоций, а челюсти у него были такие, что фантазия тут же подсовывала картины, как эти зубы легко перемалывают кости, мясо, жилы... бр-р-р-р. От такого зрелища становилось не по себе, даже когда знаешь, что перед тобой друг.

И всё же я был безмерно рад его видеть – даже в этом пугающем, непривычном наряде.

– Зубастик, дружище! – выдохнул я с облегчением. – Как здорово, что ты здесь!.. Ты что на себя нацепил?

Выражение у дракона стало таким, будто я его смертельно оскорбил. Он слегка выпрямился, броня на груди тихо щёлкнула, а хвост – даже в скафандре – дернулся с характерным металлическим звоном.

– Хозяин, – произнёс он с подчеркнутой обидой, – это же скафандр.

– Чего?..

– Ну, это защитный костюм, – начал он терпеливо, но с ноткой профессорского превосходства, – переделанный, правда, из стандартных рыцарских доспехов дракона DS-WQ12, под некомфортные условия для существования...

Он осёкся, заметив, как у меня вытянулось лицо, вздохнул

и упростил:

– Короче говоря, для драконов в этой Вселенной тоже бывают среды, где жить неприятно. Например, чрезмерный холод до абсолютного нуля или температура свыше пятисот градусов. А вот сейчас, к примеру, снаружи полторы тысячи градусов по Цельсию. Любая биологическая структура при таком раскладе превращается в... э-э... уголь.

Он постучал когтем по нагрудной пластине.

– Короче! Я тоже могу поджариться, как поросёнок на вертеле.

Это многое объясняло. Правда, в голове никак не укладывалось, что дракона вообще можно чем-то напугать, да ещё и температурой. А представить себе Зубастика, медленно вращающегося на вертеле, с хрустящей корочкой и яблоком в пасти... бр-р-р. Картина была настолько абсурдной и неприятной, что я поспешил её прогнать, потрянув головой.

Однако вопросы никуда не делись: где мы, зачем здесь и как вообще сюда попали? Я уже открыл рот, но Зубастик опередил меня:

– Хозяин, мы на планете, где живут цигели...

– Кто?!

– Цигели, – повторил он с видом лектора. – Жители силикатной формы жизни. Об их возможном существовании писал ещё сто тридцать лет назад великий арабский дракон Хамуд ибн Сулейман Драга Мухид ибн Аль-Харомий ибн...

Я уже видел, как он мысленно разворачивает многотом-

ный труд, и поспешил вмешаться:

– Короче, Зубастик!

Дракон хмыкнул, явно сдерживая научный пыл, и продолжил проше:

– Это существа неуглеродного состава, в отличие от нас, землян. Они могут существовать только в условиях очень высоких температур. Наш климат для них – суший кошмар. Поэтому они и прилетели к нам в скафандрах из высококомпозиционной керамики, которые ты принял за... кирпичи.

Меня передёрнуло.

– Да-да! Именно эти гады втянули меня в какую-то кастрюлю! – вскричал я с негодованием. – Оторвали от сельскохозяйственного труда! Похитили!

– Это их корабль в форме тарелки, не кастрюля, – спокойно поправил меня Зубастик. И, надо сказать, сделал это с таким уважением к конструкции, что я понял: он втайне восхищается этим летающим агрегатом. Его глаза блеснули, он даже провёл когтем по невидимой схеме в воздухе, будто мысленно разбирал двигатель и систему тяги.

– Да мне плевать, на какой посудине они явились в мой огород! – вспылil я. – Зачем они меня похитили?! Для чего затащили в эту странную камеру?! Меня что, пытаться собираются?!

– Да, об этом мне сообщил Полосатик! – невозмутимо сказал Зубастик. – О твоём похищении инопланетянами.

Упоминание ещё одной жертвы заставило меня напрячь-

ся:

– Какой ещё Полосатик?! Его тоже украли эти цигели?

– Полосатик, – пояснил дракон, – это шмель, которого я представил тебе в охрану.

И тут всё встало на свои места. Я вспомнил навязчивое жужжание, вечное присутствие над головой, странную «случайную» бдительность насекомого. Я медленно, очень медленно перевёл взгляд на Зубастика.

– Ты... – протянул я мрачно. – Ты поставил мне согляда-
тая?

Он молчал.

– Так?! – продолжил я. – Эта навозная муха шпионила за мной?!

Я скрестил руки на груди и покачал головой:

– Ну, не ожидал от тебя такого, дружище... совсем не ожидал...

Дракон ответил невозмутимо, словно речь шла о самой обыденной вещи на свете:

– Ну, должен же был кто-то следить за тобой, хозяин, чтобы ты не вляпался в плохую историю.

Он сделал выразительную паузу и добавил с лёгким укором:

– А ты вляпался. И об этом мне прожужжал Полосатик.

Зубастик слегка наклонил голову, будто поправлял невидимые очки, и продолжил уже наставническим тоном:

– И вообще, Полосатик – совсем не муха. К мухам отно-

сятся насекомые из отряда Двукрылые, а шмель – это род перепончатокрылых насекомых из семейства настоящих пчёл, во многих отношениях близкий к медоносным пчёлам.

Он с удовлетворением кивнул, явно считая тему исчерпанной.

– Если бы не Полосатик, я бы не смог найти тебя и не узнал, что с тобой произошло. А так я выскочил из дома и увидел исчезающий в подпространстве корабль цигелей.

– Где? – насторожился я.

– Это... гм... – Зубастик замялся, подбирая слова, – пространство, которое не имеет расстояния... Короче, у меня нет времени раскладывать перед тобой теоретические разработки физиков о строении Вселенной, её многомерной и многоплановой структуре! Главное – они не отрицают ОТО!

– Кого? – переспросил я.

– Общую теорию относительности Эйнштейна!

Я почесал лоб – тут я, как ни странно, чувствовал себя уверенно:

– Ты про Альберта Эйнштейна?

Реакция Зубастика была неожиданной. Он аж заскрежетал крыльями, упрятанными в броню, а глаза расширились:

– С каких это веков, хозяин?! Неужели ты знаешь великого Эйнштейна?!

Я хмыкнул и расправил плечи:

– Обижаешь, дружище! Альберт Эйнштейн в прошлом месяце забил свой сотый гол в ворота мадридского «Реа-

ла»! Это было, скажу тебе, зрелище! Лучший нападающий «Клинка Конквистадора», не зря был учреждён в легионеры...

Похоже, я допустил фатальный промах. Морда у дракона скривилась, словно он внезапно почувствовал острую зубную боль: челюсть дёрнулась, ноздри расширились, а взгляд стал стеклянным и обречённым.

– О... боже...

– Чего? – искренне не понял я.

– Ладно, хозяин, не отвлекайся! – с усилием взял себя в лапы Зубастик. – Продолжу...

Он глубоко вздохнул и заговорил уже деловым тоном:

– По инверсионному следу гравитационного двигателя я понял, что они совершили телепортацию. Вычислить координаты не составило труда, ибо ещё сто лет назад китайский дракон-геометр Мао Ли Цзы-Гун составил таблицу, позволяющую просчитывать движения по подпространству. И я выяснил, что их родная планета находится в галактике Японская Лепёшка, в двадцати трёх миллионах световых лет от Земли.

– Это далеко? – насторожился я, ощущая, как внутри что-то холодеет.

Название галактики мне было совершенно незнакомо, да и в астрологии... или астрономии – я так и не понял, что из этого наука, – я разбирался слабо. Спрашивать лишнее не решился.

– Очень, – вздохнул дракон. – Эту галактику не видно ни в один телескоп. Она была обозначена теоретически, можно сказать, вычислена «на конце пера» великим индийским драконом-астрономом Брухтумандия Сингхом Бачатаригунди сорок лет назад.

Он продолжил:

– Полосатик описал мне пришельцев, и я понял, что они с высокотемпературной планеты. Поэтому мне пришлось надеть скафандр, который я сделал ещё три года назад.

И тут я вспомнил, как однажды Зубастик приволок со свалки груды ржавого металла, труб, пластин и каких-то шестерёнок и неделями возился с этим хламом, искры летели от автогена, грохотал молот, а весь двор был завален железом. Я тогда ещё возмущался, что мусора у нас и так хватает.

Теперь же понял, что зря ругался. Рыцарские доспехи, переделанные в скафандр, создавали облик мужественного, грозного и внушительного дракона – именно такого, каким он и должен был предстать перед похитителями. Не просто спасатель, а предупреждение: мол, вот кто пришёл за своим хозяином. И пускай видят. И пускай дрожат.

– Я быстро переделал машинку, которую мы когда-то использовали для путешествий в параллельные миры, а потом и во времени, – сказал Зубастик и кивнул на знакомые часы у себя на запястье.

Это были массивные, чуть поцарапанные хронометры с циферблатом из темного стекла, под которым лениво пере-

ливались символы, похожие на руны и формулы одновременно. Стрелки двигались не по кругу, а словно скользили, иногда замирая и делая рывки, будто часы сами решали, какое «сейчас» им показывать.

– Они открыли дорогу в подпространство... Я ввел координаты, телепортировался прямо сюда и обнаружил тебя в этом странном помещении.

Он говорил спокойно, словно речь шла о походе за хлебом.

– Сами «цигели» не могут войти к тебе без скафандров, иначе они замерзнут и развалятся на куски. Я их видел – типичная лава, что извергает вулкан на Земле. Однако они разумные, – дракон пренебрежительно махнул лапой, будто речь шла о чем-то второстепенном.

Я невольно представил мир цигелей: бескрайние равнины расплавленного камня, медленно текущие огненные реки, черные скалы, светящиеся изнутри, как раскаленные угли. Небо – тяжелое, густое, цвета меди, без солнца и звезд, а вместо ветра – колебания жара, от которых сама реальность дрожит, словно мираж. Мир, где жизнь не ползает и не бегает, а течет и вибрирует, не зная ни холода, ни тени.

– С ними можно тогда поговорить, рассказать об Уголовном кодексе, где есть ответственность за похищение человека... – начал было я, цепляясь за привычную логику.

Зубастик ненавязчиво, но твердо перебил меня:

– Они не мыслят нашими земными категориями. У них

нет мозгов и чувств, их мышление – это изменение магнитного поля и электрические сигналы. Нет сердца и печени. Они не видят, не слышат, не говорят. Их мышление – это образы, в которых нет ничего ясного для человека или дракона. Это совсем иная форма жизни, хозяин! Они не могут узреть тебя, так как не могут ощутить твое присутствие. И до твоих моральных идей или законов им нет никакого дела.

Признаюсь, я был не до конца согласен. Я слишком хорошо помнил нотки возмущения в тех резких, нервных вибрирующих звуках, которые издавали инопланетяне, когда я дал отпор лопатой. Там было что-то... похожее на раздражение, на протест, пусть и чуждый, нечеловеческий. Может, это и правда было нечто иное?

А Зубастик тем временем продолжал:

– Их смутило наличие металла, – он указал на лопату, которую я, как оказалось, всё ещё сжимал в руках. – Они ощущают более плотную материю – только металлы и камни. А ты для них – как пустота. И они намерены изучить лопату, считая её тоже живой формой. Поэтому и поместили тебя в эту камеру, создав атмосферу Земли.

Он сделал паузу и мрачно добавил:

– Но если они поймут, что твой инструмент не живой и не разумный, то откроют это помещение – и огромная температура, ворвавшаяся сюда, испепелит тебя в считанные секунды. Ведь биологических существ они не воспринимают. Твою гибель они просто не заметят. А если и заметят – не

станут грустить. У них нет таких понятий.

Мне стало по-настоящему жутко. В груди похолодело, ладони вспотели, а мысли метались, как пойманные птицы. Зубастик иногда бывал слишком прямолинеен, но сейчас его слова пробрали до дрожи. Однако лучше знать правду, чем цепляться за иллюзии.

– И что же делать? – я облизнул пересохшие губы, представив, какой ад творится сейчас за пределами этого белого помещения.

В этот момент до меня донеслись странные звуки – глухие, нарастающие вибрации, словно где-то совсем рядом двигалась огромная масса, недовольная и нетерпеливая. Воздух будто дрожал. Мне показалось, что кто-то или что-то собирается возле нашей камеры. Я насторожился, вслушиваясь.

Но Зубастик вновь заговорил:

– Я создам шар из жаропрочного стекла и помещу внутрь тебя, вынесу на поверхность планеты, а затем мы телепортируемся домой. А чтобы цигели ничего не поняли, лопату оставим здесь...

Я с сожалением посмотрел на сельскохозяйственное оружие. Потертая рукоять, знакомый изгиб металла, следы времени и труда – лопата досталась мне от деда. Семейная память, да и в хозяйстве вещь нужная. Оставлять её на чужой, адски горячей планете было мучительно неприятно.

Но выбора не было. Тяжело вздохнув, я наклонился и положил дедушкину память на пол.

Зубастик, не теряя ни секунды, поднял лапы и начал колдовать.

Воздух вокруг меня сперва дрогнул, словно над раскалённой дорогой в летний полдень, затем уплотнился и зазвенел тонкой, почти хрустальной нотой. Из пустоты стали вырастать прозрачные линии, переплетаясь в сложную геометрическую сетку. Они сходились, замыкались, округлялись – и вот уже вокруг меня сформировался идеально гладкий шар из жаропрочного стекла. Его поверхность переливалась радужными бликами, будто мыльный пузырь, но ощущался он монолитным и надёжным, как броня. Внутри стало прохладно и спокойно, а внешний адский жар больше не ощущался вовсе.

Что-что, а в своём ремесле Зубастик был мастер. И всё же до сих пор чёрт сломит, где у драконов заканчивается наука и начинается магия – они у них, похоже, срослись в одно целое.

И тут я с изумлением заметил, что вокруг меня кружится шмель.

– А это кто? – с подозрением спросил я, тыча пальцем в сторону полосатого спутника.

– Не спрашивай, хозяин, ты ведь понял, – прямо ответил дракон.

Да, это был тот самый Полосатик-шпион, который, если быть справедливым, спас мне жизнь. Поэтому я не стал возражать против его присутствия в стеклянном шаре, хотя и

не понимал, зачем он полез в это опасное путешествие. Наверное, привязался ко мне, как собачка, или считал своим долгом довести миссию до конца.

Подталкивая шар к выходу, Зубастик направился к керамической двери. Однако он даже не успел к ней прикоснуться, как та сама раскрылась, и к нам ввалилась целая группа кирпичей.

Сложилось впечатление, будто обычная кирпичная стена вдруг ожила: прямоугольные тела плотно прижаты друг к другу, из швов торчат короткие многосуставчатые конечности, которые шевелились, царапая пол. Они гудели, как мощный трансформатор на подстанции, и из их тел вырывались электрические искры, вспыхивая и тут же гаснув в воздухе.

– Блин! Попались! – заорал я и начал колотить кулаками по стеклу.

Естественно, вырваться из шара было невозможно. Полосатик тоже тревожно загудел, заметался, стучаясь о прозрачные стенки.

Казалось бы, чего мне бояться? Меня они не видят, а лопата валяется на полу. Но цигели обступили шар, внутри которого я метался от страха, и переключили внимание на Зубастика. Они не просто подходили – они наступали, излучая волны давления и требовательных вибраций.

Зубастик медленно отступал, озираясь, разводя лапами и пожимая плечами, всем своим видом показывая: я не виноват, ничего не знаю, не видел, отстаньте.

Особенно наседали один из них. Я пригляделся – и похолодел. На его теле чётко выделялся серо-зеленоватый след, глубокая полоса. Моя лопата навсегда оставила на нём свой автограф. И тут цигели разом излучили молнии. Вспышка была такой яркой, что мир перед глазами побелел, словно меня ослепили сваркой. Я зажмурился, но даже сквозь веки видел танцующие пятна света.

Что происходило дальше, я не видел, лишь слышал скрип, треск и металлический скрежет, будто ломались гигантские механизмы.

Когда зрение вернулось, я увидел вокруг себя застывших инопланетян – каждый в своей нелепой позе, словно их внезапно превратили в скульптуры. А рядом стоял довольный Зубастик, потирающий ладошки в бронированных перчатках.

– Что с ними? – выдохнул я.

– Да-а... заморозил, – спокойно пояснил он, поднимая на меня глаза. – Всё элементарно, хозяин. Стоит опустить температуру до абсолютного нуля, как прекращаются их жизненные функции. Обычная физика!

– Ты их убил?! – обалдел я.

У меня внутри всё сжалось: сердце ухнуло куда-то вниз, ладони похолодели, а в голове зашумело. Зубастик наморщился:

– Хозяин, я не палач. Я не убиваю. Я просто заморозил! Как только температура восстановится до приемлемого

для них уровня, эти кирпичи оживут. Они фактически бессмертные.

Он посмотрел в сторону выхода и добавил:

– Очень надеюсь, что к этому времени нас здесь уже не будет.

Но это всё ещё не проясняло ситуацию.

– А почему они напали на тебя? – настойчиво спросил я.

– Ну, я же массивный, большой, на мне много металла! – пояснил дракон, и при этом странно скривил челюсти, будто пытался соврать, но не умел сдерживать эмоции. Я невольно заподозрил: а не скрывает ли он что-то?

– Зубастик, мне уж можешь сказать правду! – настоял я. – Правда, хоть и горькая, но лучше сладкой лжи! – и сам удивился своему философскому подходу к ситуации.

Дракон нехотя признался:

– Ну, хозяин... Прилетел я сюда и вижу этот гиперпространственный корабль. Конечно, это чудо инопланетного производства, нам ещё далеко до таких конструкций. Поэтому решил разобрать его, чтобы понять, как устроен двигатель, механизмы, принципы работы...

Он на мгновение замялся, и я уловил тень неловкости в его глазах, словно дракон испытывал психологический дискомфорт. Морда Зубастика слегка побледнела, приняв сиреневый оттенок, что у драконов, как оказалось, означало чувство стыда и тревоги.

– Ну, это не понравилось цигелям, – продолжил он, – они

плавали в магме вокруг, стали меня отталкивать. Я тогда их облил морозящей пеной, и пока они застыли как статуи, быстренько распилил «тарелку».

– И что? – переспросил я.

– Ничего... ничего не понял. Там вообще чуждая нам эволюция. Технология недоступна нашему пониманию. Естественно, собрал корабль не так, как было, – именно поэтому они и занервничали, когда ворвались сюда.

Я разозлился:

– То есть ты решил спасти меня не сразу, а сначала заняться промышленным шпионажем? Ты удовлетворял своё любопытство? Для тебя эта техника была важнее меня? Какой же ты после этого друг?!

Зубастик побледнел ещё сильнее, его морда окрасилась в сиренево-фиолетовый оттенок, как у человека, который испытывает одновременно стыд, тревогу и лёгкую панику. Это была явно некомфортная психологическая гамма дракона, столь же явная, как у людей, только с другими цветами.

– О, нет, хозяин! – сбивчиво пояснил он. – Совсем не так! Нужно было понять, кто такие эти цигели, как помешать им нас преследовать, чтобы они не вернулись на Землю мстить. Для этого пришлось применять нестандартные методы! Конечно, морозить теплолюбивых существ – гадко, но тебе, хозяин, тоже было неприятно оказаться в плену, а уж тем более находиться на чужой планете, где невозможна земная жизнь.

В его словах была правда, и спорить с этим я не стал.

– Ладно, твои извинения приняты, – пробурчал я. – Чего мы ждём? Пора сматываться!

Шмель одобрительно прожужжал, высоко подпрыгивая возле шара, словно подтверждая своё согласие с моим решением. Зубастик тоже кивнул, и спустя несколько минут мы уже оказались на поверхности этой опасной планеты.

Скажу вам – это была настоящая Геенна Огненная, как писалось в религиозных трактатах, только в сто раз страшнее. Везде грохотали вулканы, сотрясая воздух и почву; внизу неспеша плыла жёлто-красная магма, и каждый шаг ощущался как ходьба по раскалённой земле. Небо было заволочено оранжевым смогом, огненные ураганы мчались по горизонту, а солнца не было видно.

Мне отпало всякое желание иметь дело с этими цигелями, которые обитают в такой среде. В сравнении с этим адом мне стали милее зеленые травы, голубая вода, прохладный утренний ветерок, стрекот кузнечиков и лунный свет по ночам. Мой мир – это чудо, которое силикатная форма жизни никогда не сможет понять, ни его красоты, ни наш образ жизни.

Кстати, то замороженное драконом пространство давно отморозилось, и теперь кирпичи, вышедшие из оцепенения, охотились на нас, пытаясь залить наши тела собой и уволочь вглубь планеты, где могли бы раздавить. Они то соединялись в могучий поток лавы, извивающийся и переливающийся как жидкая броня, то распадалась на невообразимые

самостоятельные формы, каждую с собственными конечностями и антеннами, чтобы выстрелить электричеством в нас. Вспышки искр металась в воздухе, словно маленькие молнии, а звук гудящего металла смешивался с шипением расплавленной магмы.

Зубастик отбивался как мог, но на него наваливались тысячи тонн огненно-коричневой массы, что становилось ясно с каждой секундой: долго мы так не продержимся. Я же вообще ничего не мог сделать, будучи в шаре, а даже если бы был свободен, едва ли смог бы противостоять этим живым камням и кирпичам. Единственный мой спутник – Полосатик – сердито жужжал, стрекот его крыльев был как вой маленького мотора, но и он не мог противопоставить никакой силы этим чудовищам.

Собрав всю мощь, Зубастик схватил нас и запустил свою универсальную машину на лапе. Лазерные и магические индикаторы загорелись, металл заскрежетал, а шар с нами внутри засверкал голубым светом.

– Брызжи-и-ик! – нас втянуло в какую-то дыру, и через секунду нас вышвырнуло в другой мир. Это было словно окунуть в воду и резко вытащить обратно. Но ясно, что мы оказались не дома. Ни Солнца, ни неба, ни почвы не было видно; весь мир представлял собой один бесконечный голубо-синий водоворот, закручивающийся и переливающийся слоями, словно жидкость и газ одновременно. Шар с нами едва не сорвался с цепких лап дракона, настолько стремительно

мы падали и вращались в этом потоке. Судя по выражению морды Зубастика, он сам был ошарашен: что-то здесь определённо шло не по плану. Воздух или жидкость вокруг казались студёными, и этот холод подтверждался странным писком, доносившимся откуда-то издалека, дрожащим и пронзительным.

Мы оглянулись и увидели цигеля, вцепившегося в бронированный хвост дракона. Его писк и вибрации были наполнены страхом и ужасом, дрожащие импульсы пробегали по его силикатному телу. Наверное, мой питомец ошибался насчёт того, что эти существа лишены эмоций. Но сейчас времени на философию не было. Зубастик изумлённо взглянул на наглеца со следом лопаты на теле, того самого, что мы уже знали.

– Только тебя не хватало! – гаркнул дракон, стараясь стряхнуть цигеля, но тот только крепче вцепился и ещё громче пищал, что мне стало почти жалко: явно прохладно ему даже в скафандре.

– Зубастик, где мы? – спросил я, пытаюсь разглядеть хоть что-то сквозь водоворот.

– Видимо... на холодном гиганте... – процедил дракон.

– Где? – уточнил я.

– Холодный гигант – это газообразные планеты, типа Сатурна и Юпитера. Там нет твердого дна, вся планета – газ, уплотняющийся по мере приближения к ядру. Но если опустимся слишком глубоко, нас раздавит давление. Здесь тем-

пература от минус 180 до плюс 220 градусов Цельсия.

Среда была ужасающая и непостижимая: гигантские облачные слои перемешивались с потоками газов разных оттенков – синих, бирюзовых, серебристых, словно жидкие молнии текли в пространстве. Газовые вихри закручивались в спирали, создавая непроглядную мглу, а звуки нашего движения в шаре и жужжание Полосатика эхом отдавались, растягиваясь в этой густой атмосфере. Массивные струи газа переливались, как бы пытаясь выдавить нас из потока, а давление ощущалось даже через магический скафандр дракона.

– Как мы попали сюда? – спросил я, стараясь удержаться внутри шара, который теперь болтался в гигантском водовороте газа и холода, словно игрушка в вихре.

Вновь морда Зубастика сморщилась, будто он ощущал зубную боль, – каждый изгиб челюсти, каждый вздох выдавали недовольствие и усталость. Дракон внимательно просмотрел свой прибор, который больше походил на гибрида магического компаса и миниатюрного голографического дисплея с мерцающими цифрами и вращающимися астральными схемами, после чего нехотя выдавил:

– Ошибка вышла в расчетах. Во время телепортации на нас навалилась масса в тысячи тонн неучтенной лавы, и это внесло сбой. В итоге мы очутились здесь...

– А где именно? – спросил я, чувствуя, что мир вокруг нас по-прежнему нестабилен.

Зубастик вздохнул, достал карту, которая была не просто

листом бумаги, а голографическим сферическим глобусом, где каждая звезда и планета светились тонким мерцающим ореолом, а линии их орбит плавно извивались и перекручивались в пространстве, как реки света. Дракон стал прокручивать карту лапой, задерживая взгляд на пустых участках, где должны были быть обозначены планеты, но там лишь темные точки и хаотические огоньки, – после чего со вздохом произнес:

– Мы в галактике Зеленая Муха Гэгэ, что в ста сорока миллионах световых лет от Земли. Звезда не имеет имени, лишь цифровую нумерацию, читать которую нет смысла. А планета эта вообще не нанесена на карту, не открыта в драконьем телескопе... Но имеет все сходства с Сатурном.

Полосатик что-то гневно прожужжал, издавая короткие пронзительные вибрации, словно выражал неудовольствие и тревогу. Я был согласен с ним: ситуация была крайне напряженной.

– И что будем делать? Нам дальше кувыраться в этой смеси газов? – спросил я, замечая, что мы опускаемся вниз, и стекло шара начало сжиматься под давлением, делая звук легкого скрипа. С каждым мгновением оно становилось всё туже, и я чувствовал: еще немного – и шар лопнет, а вместе с ним – и мы. – Поторопись!

– Сейчас поменяю координаты, хозяин. Не волнуйся и не ворчи, – ответил Зубастик обиженным тоном, пощелкав лапой по прибору, на котором зашевелились золотистые и би-

рюзовые символы, вспыхивая и переливаясь, пока дракон корректировал траекторию. Краем глаза он следил за состоянием шара, игнорируя короткое пицание кирпичей.

Щелк – и нас вновь втянуло куда-то, словно в водоворот времени. Через две-три секунды нас выбросило в третий мир. Здесь раскинулся прекрасный пейзаж из фиолетовых растений, странной формы, которые изгибались и переливались, как живые кисти акварели. На небе висели три Луны, каждая светила своим цветом, а Солнце было голубого цвета, отбрасывая свет на растения и причудливые структуры.

По земле ползали неведомые существа: длинные, с прозрачными телами и мерцающими глазами, с множеством тонких лапок, которые двигались так, будто были сделаны из света. Ни в книгах, ни в словарном запасе дракона нет описания таких форм жизни, и мои глаза блуждали от одного чудесного существа к другому. Тут и гадать не стоило – это явно не Земля.

– Знаю, хозяин, – пробурчал Зубастик, сканируя пространство своими глазами, которые мерцали магическим светом. – Но зато ближе к дому. Это галактика М31 в Туманности Андромеды. Всего два миллиона световых лет до нашей планеты.

– А почему мы здесь? – переспросил я, глядя на фиолетовые леса и тройное небо, ощущая одновременно восторг и тревогу.

– Потому что на хвосту у меня висит дополнительный груз из этого цигеля, – проворчал Зубастик и снова сердито задергал хвостом, стараясь стряхнуть жителя горячей планеты.

Тот, однако, вцепился еще крепче, словно расплавленный страх сковал его волю: конечности его затвердели, тело поблекло, а вся форма стала напоминать окаменевший крик, застывший без звука. Он больше не пищал – лишь дрожал, будто боялся, что если отпустит хвост, то растворится в холоде этого мира. – Этот груз вносит ошибку в мои расчеты.

Знакомый кирпич, судя по всему, считал нас единственной стабильной точкой во Вселенной, чем-то вроде движущегося островка безопасности. В его медленном переливе цветов угадывалась примитивная, но настойчивая мысль: «Эти – теплые. Эти – движутся. С ними можно выжить». Поэтому он и не желал оставаться на этой планете, как бы ни была она красива и экзотична.

Я, впрочем, заметил, как заблестели глаза Зубастика. Он уже мысленно расставлял лаборатории, устанавливал датчики, писал трактаты и давал названия растениям, которые мы видели впервые. Его крылья чуть дрогнули – верный признак того, что любопытство тянет его остаться и развернуть здесь целую исследовательскую программу, достойную профессорского звания.

– Не отвлекаясь, Зубастик, – быстро вернул я его к суровой реальности. – Нам пора домой. У меня слизняки в огороде! Пока мы тут торчим, они пожирают мой урожай!

Довод оказался железобетонным. Даже великие тайны Вселенной меркли перед угрозой съеденных дынь. Полосатик поддержал меня энергичным и возмущенным жужжанием, делая в воздухе такие резкие петли, будто лично собирался атаковать слизняков при первой возможности.

Поняв, что уговорить нас остаться не получится даже на минуту, Зубастик тяжело вздохнул и крутанул стрелку на приборе.

Мир снова закрутился, свернулся в спираль, и через миг мы рухнули на белую, слепящую поверхность. Новый мир был ледяным, заснеженным и безмолвным: бескрайние равнины льда, черное небо, усыпанное звездами, и маленькое Солнце величиной с кулак, едва дающее слабый, бесполезный свет. Здесь царили мрак и холод, такие, что казалось – само время замедляется.

И снова раздался писк цигеля – теперь жалобный и тонкий. Ему было совсем неуютно: даже след от лопаты на его скафандре потемнел, стал почти черным, словно замерзшая память о прошлом. Его тело сжалось, цвета угасли.

Зубастик сочувственно посмотрел на своего «клеща».

– Слушай, его нужно согреть, – сказал я, неожиданно для себя самого.

Дракон аккуратно полыхнул огнем на кирпич. Тот тут же порозовел, словно раскаленный камень на закате, и его тело приобрело более живые оттенки. Конечно, это было далеко не родное пекло силикатной цивилизации, но все же тепло

вернуло ему силы. Цигель перестал пищать и благодарно замахал конечностями, будто кланялся.

– Мы на Плутоне, – сообщил Зубастик, опережая мой вопрос. – До дома рукой подать.

И правда, по космическим меркам мы почти стояли на пороге Земли.

– А его мы с собой возьмем? – спросил я, указывая на цигеля.

Зубастик задумался, почесал бронированный подбородок и вздохнул:

– А что предлагаешь, хозяин? На Земле ему всегда будет неудобно... И я не хочу, чтобы эта живая магматическая лава расплавилась наш дом и огород.

Хотя... – он прищурился. – Я могу отправить его на Меркурий. Там условия куда ближе к его родной планете.

Дракон посмотрел на цигеля, а цигель – если можно так выразиться – медленно потеплел и сменил оттенок, будто соглашаясь.

– А если его отправим домой?

Гулкое жужжание Полосатика наполнило пространство шаром, словно маленький мотор отчаянно пытался выразить протест. Его крылья дрожали, а вибрация в воздухе звучала как возмущённый рёв. Морда Зубастика при этом была кислая и скривленная: челюсти сжаты, глаза блестят от недовольства, а на лбу виднелись мелкие морщины – явные признаки, что дракон совсем не в восторге от моей идеи.

– Обратно на ту планету? В галактику Японская Лепешка? – с явным возмущением проревел Зубастик. – Увольте, хозяин, я больше туда не ходок. Мало вам что ли приключений?

Туда я и сам не хотел. Но мне было искренне жаль кирпича: на Земле ему будет трудно – чужая атмосфера, холод, влажность и вообще среда, в которой его тело начинает дрожать и терять свои природные оттенки. Конечно, можно было бы засунуть его в мартеновскую печь на металлургическом комбинате или сбросить в жерло вулкана, но это было бы совсем жестоко.

Однако ситуация разрешилась сама собой.

Яркая вспышка вырвалась с неба, и плавно опустилась летающая тарелка – та самая, что когда-то похитила меня. Её поверхность переливалась металлическими бликами, как жидкое серебро, а ножки телескопически выдвинулись, создавая впечатление готовности к мягкой посадке. Цигель издал радостное, пронзительное пискование, которое звучало почти как детский смех, и его конечности задергались, как будто он танцевал от счастья.

Зубастик напрягся, его глаза сузились, клыки слегка обнажились – он готовился к бою, предчувствуя, что эта встреча может закончиться конфликтом.

Между тем из корпуса тарелки вырвался зеленый луч, как тянущаяся воронка света, которая аккуратно втянула внутрь нашего знакомого. Цигель издавал мелодичные щелчки и

писк, которые я воспринял как благодарность за возвращение домой, а Зубастик – с его холодной аналитикой – прочитал это как предостережение: «Скоро встретимся, долги не забыты».

Полосатик, напротив, никак не реагировал – спокойно парил над моей головой, оглядывая мертвую ледяную поверхность Плутона, его крылья слегка вибрировали, а жужжание звучало почти как фоновый комментарий к происходящему.

Как только кирпич полностью исчез в чреве «тарелки», корабль замигал всеми своими световыми индикаторами, словно подтверждая успешное завершение миссии. И тут же растворился в воздухе – исчезнув с видимого пространства и нырнув в подпространство, телепортировавшись, скорее всего, обратно на свою планету, в родную галактику Японская Лепешка, оставляя нас на белом ледяном Плутоне в относительном спокойствии.

Зубастик облегченно вздохнул, будто снял с плеч невидимый груз. Вот воевать ему никак не хотелось – лучше бы оставить все эти инопланетные разборки и вернуться домой.

– И все-таки я правильно собрал этот аппарат, – с торжеством заявил он, морда сияла от удовольствия. – Иначе они бы не смогли прилететь за нами по гравитационному следу...

Спорить с ним не хотелось. Я кивнул и понял, что лучше просто довериться его мастерству.

– Пора и нам, – сказал я, и дракон не стал возражать. Его прибор заурчал, замигал, и нас мягко втянуло в поток

подпространства, словно в пузырь воды, переноса прямо в наш родной мир. Через мгновение мы оказались на знакомой Земле, на краю моего огорода, где еще теплела земля после утреннего полива.

Я бросился домой, схватил тарелку с ужином – горячее, ароматное, с томатами и свежим хлебом. Жадно поел, сметая с тарелки все без остатка, и, не откладывая, лег спать. Полосатик, верный охранник, устроился рядом и тихо жужжал надо мной, словно проверяя, что с моим сном все в порядке. А Зубастик в своей камере, глубоко погруженный в магию и науку, печатал отчет о полете на магматическую планету, подчеркивая все нюансы путешествия и необычные свойства цигелей.

На следующий день я, как всегда, возился в огороде: поливал пышные помидорные кусты, аккуратно собирал слизняков – этих маленьких, скользких вредителей, которых так не любили мои растения. Словно по сигналу природы, каждый раз после дождя они выползали наружу, но под моим наблюдением исчезали в банке, готовые отправиться подальше от урожая.

И вдруг с неба мягко опустилось нечто, напоминающее самовар гигантских размеров: корпус отливал синеватым свинцом, поверхность была гладкая, без вспышек, дыма или гудения, словно устройство было мирным, но при этом совершенно чуждым для Земли.

Я мгновенно свистнул Полосатику:

– Ты, жужжалка! Быстро сообщи Зубастiku, что у нас незваные гости!

Шмель тут же жужжал, подлетая к каморке. Зубастик, услышав сигнал, выскочил, его глаза засверкали любопытством и осторожностью одновременно.

Но вместо тревоги случилось удивительное: из «самова-ра» высыпались тысячи маленьких, ярких искрящихся су-ществ, которые были совсем не опасны. Они порхали вокруг огорода, изучали растения, поливали почву волшебной вла-гой и даже осторожно помогали слизнякам не попадать на помидоры, словно превращая огород в миниатюрный вол-шебный сад.

– Похоже, хозяин, – усмехнулся Зубастик, – ваши незван-ные гости вовсе не враги. Они пришли, чтобы помочь.

Мы с Полосатиком наблюдали, как маленькие существа, переливаясь всеми цветами радуги, приводят огород в поряд-ок. Солнце мягко светило, ветерок колыхал листья, а наш мир снова стал безопасным, уютным и чудесным.

Так закончились великие приключения: дракон и шмель, я и мои овощи, а также удивительные гости из других миров – все остались живы, здоровы и счастливы. А мой огород те-перь стал самым волшебным местом на Земле, куда могли наведываться не только соседи, но и самые необычные со-здания из самых дальних уголков Вселенной.

(6 июня 2017 года, Хайдельберг)

Дракон против Ордена Святого Ланселотта

Статья в газете, принесенная утром почтальоном – высоким, худощавым мужчиной с седыми усами и аккуратно начищенными ботинками, который, похоже, каждое утро обходит весь район и знает всех по именам, – сразу привлекла мое внимание. На первой полосе красовалась большая фотография рыцаря в доспехах с горой оружия, а заголовок кричал: «Драконам скажем «Нет»!»

Текст был примитивным и убогим: сводился к одной мысли – Орден Святого Ланселотта поставил перед собой стратегическую цель: известить всех драконов в стране. Их предводитель, сэр Камальтус, борзо заявлял:

– Все беды и несчастья у нас от драконов, этих порождений мрака и ужаса! Сам Сатана ведет их к победе над человечеством! Пора указать дверь драконам!

Журналистка, молодая женщина с рыжими кудрями и строгими очками, взяла у него интервью и спросила:

– Извините, а почему вы думаете, что вина лежит на драконах?

– Потому что они управляют людьми! – сердито огрызнулся Камальтус. – Драконы живут среди нас! Мы думаем,

что они слуги, но на самом деле они – хозяева! Они внушают нам все, что им выгодно! От этого страдает экономика, политика, быт!

Он громко хлопнул ладонью по арбалету, чье орудие было покрыто шипами и цепями, а выстрел ракетным снарядом разрывал макет кита в клочья, словно демонстрируя будущую участь всех «жертв драконизма».

– А почему наши стены в домах такие высокие? – продолжал Камальтус, когда журналистка скривила лицо и попросила примеры. – В пять метров! Потому что драконам иначе не вместиться! А человеку достаточно двух! Но бетон, кирпичи, пространство – вот сколько расходов на бюджете страны!

– Но двух метров мне недостаточно! Чем выше потолок, тем больше воздуха! – возразила журналистка, стараясь сохранить спокойствие.

– Вранье! – орал сэр Камальтус, его лицо покраснело, а телосложение напоминало бочку с вином, будто он вот-вот покатится прямо на журналистку. – Человек выше метра восьмидесяти – это уже дракон, замаскированный под человека! Они проводят среди нас диверсионную политику, внушают гадости! Первый признак драконизма – высокий рост! И вам, женщинам, лучше молчать на тему роста человека!»

Читая эти строки, я почему-то невольно посмотрел в зеркало и тут же соизмерил себя с рядом стоявшим шкафом. Это был старый, добротный шкаф из темного дуба, с рез-

ными дверцами, бронзовыми ручками и массивной антресолю, до которой без табурета было не дотянуться. Он горделиво упирался в потолок, будто знал себе цену и свой рост. Я прикинул: даже если вытянуться на цыпочках и поднять руку, до антресоли мне было еще добрых полметра. К своему облегчению я понял – в драконы меня пока не запишут.

Успокоившись, я вернулся к газете, уже более внимательно вчитываясь в строки и чувствуя неприятный холодок под ложечкой. Было ясно: времена надвигаются непростые.

«...Глава Ордена привел и другие примеры влияния драконов на судьбы страны и народа:

– Почему наш парламент принял закон, по которому люди до шестнадцати лет не вправе управлять летающими коврами или летающими сундуками? Вы говорите, что подростки физически и умственно не доросли до возможности “оседлать” эти магические устройства? Нет, и еще раз нет! Это проделки драконов, которые не хотят видеть конкурентов в небе. Молодежь смелая, самоотверженная, им не страшны высоты и опасности! Драконы это понимают и боятся, поэтому и протолкнули этот закон!

– Закон принимали люди! – возразила журналист, женщина не робкого десятка.

– Это вы так думаете! – брызгал слюной и топал ногами глава Ордена. – Это депутатам внушили их домашние драконы! А может, среди членов парламента есть превращенные в людей драконы, которые намеренно создают хаос! Это они

магией устроили дефицит продуктов, потому что жрут нематочно! Из-за них денежный кризис и банковский коллапс – они переплавляют золотые и серебряные монеты в свои челюсти!

Вы думаете, почему беспорядки на улицах? Потому что драконы, пролетая над городом, рассеивают магический порошок! Человек сходит с ума, начинает бить соседа, громить лавки, поджигать автобусные остановки! Не пейте воду из крана – она отравлена драконьими испражнениями! Именно поэтому в стране вспышки оспы и желтой лихорадки!

– Лихорадку приносят комары... – попыталась вставить слово журналистка, но ее прервали самым грубым образом: стоявший рядом оруженосец схватил ее за руку, а другой – зажал рот, чтобы «не мешала говорить правду».

Я опустил газету и тяжело вздохнул. Если уж здравый голос разума в лице журналиста затыкают прямо во время интервью, значит, дело принимает по-настоящему опасный оборот. Где-то в каморке наверху скрипнуло – Зубастик перевернул страницу своего отчета. И мне почему-то стало ясно: совсем скоро эти газетные строки перестанут быть просто глупостью на бумаге.

– Молчите, поклонница драконов! – продолжал надрываться сэр Камальтус. – Это они дурят нас своими «науками», мол, болезни от неких вирусов и микробов, которых никто в глаза не видел! Что? В микроскоп, говорите вы? Глупости! Лжеприборы! Нет на свете никаких микроорганизмов!

На самом деле драконы хотят извести человеческий род и травят нас болезнями! Мы должны – нет, обязаны! – вернуть старые добрые времена, когда женщины томились в башнях, а их охраняли драконы!

В этот момент журналистке удалось разжать руку, зажавшую ей рот, и она выкрикнула, едва не срываясь на крик:

– Нынешние женщины не собираются тратить свое драгоценное время на проживание в башнях! Да и башен в стране меньше, чем драконов – территории не хватит, да и денег тоже! Строительство этих дурацких, абсолютно бесполезных сооружений разорит казну! Драконы могут приносить куда больше пользы, чем сторожить женщин от возлюбленных! Пуританские замашки нам ни к чему! Феодализм не вернуть!

Эти слова окончательно взбеленили сэра Камальтуса. Его лицо налилось багровым цветом, глаза вылезли из орбит, а толстая шея, перетянутая ремнями доспеха, покрылась вздувшимися жилами. Он трясся, будто перегретый котел, и, казалось, еще миг – и сорвется с места.

– Вы тоже диссидентка! И феминистка! – завопил он. – Против наших устоев и культуры! Вас следует отправить на гильотину! Поэтому мы, члены Ордена Святого Ланселотта, заявляем всем драконам: покиньте страну! Вы будете лишены гражданства и всего имущества! А если откажетесь или начнете сопротивляться – мы вас уничтожим! И тех людей, кто вас поддерживает, ждет суровая кара!

Я отбросил газету в сторону. По спине прокатился липкий, противный озноб. Все, что говорил сэр Камальтус, было гнусной, опасной чепухой. Даже по фотографии было заметно: взгляд у него стеклянный, рот перекошен в вечной гримасе злобы, а улыбка напоминала судорогу – так улыбаются люди с явными признаками психической невменяемости. Но беда была в другом: за этим безумцем уже шли тысячи.

Движение Ордена росло с каждым днем. Даже в нашем городе появилась ячейка, и возглавил ее мой бывший одноклассник-двоечник Марк Савельтьяр – худой, вечно небритый тип с бегающими глазками, который в школе списывал контрольные и жаловался учителям, а теперь вдруг стал «борцом за традиции» и носил значок Ордена с таким видом, будто лично спас человечество.

Мне стало по-настоящему страшно за Зубастика. Если они заставят его покинуть меня... я даже думать об этом не хотел. Без него дом опустеет, станет холодным и чужим. Нет, нужно что-то делать.

Я ворвался в каморку Зубастика. Там царил привычный для него творческий хаос: повсюду валялись шестерни, кристаллы, трубки, мотки проводов, а в центре комнаты возвышалась громоздкая конструкция из меди, стекла и странных магматических узлов, от которых исходило мягкое тепло и пахло медом.

Увидев меня, дракон просиял:

– Хозяин! Это агрегат по производству медового мороже-

ного! Представляешь, какой это удачный бизнес в такую жару? Мы завалим банк нашими доходами!

– О-о-о, только не это... – простонал я, схватившись за голову.

– Почему? – искренне удивился Зубастик, отложив инструменты себе под лапы. – Поясни!

– Тут некий псих Камальтус объявил, что вы, драконы, травите еду, – сказал я и замахал газетой у него перед мордой. – Если кто-то узнает, что ты собрал машину по производству мороженого, визита Ордена долго ждать не придется! Они сожгут тебя как колдуна, а меня вышвырнут из страны!

Зубастик нахмурился, медленно перечитывая заголовок. И в этот момент я впервые увидел в его глазах не любопытство и не азарт изобретателя, а тревогу.

Зубастик ответил небрежно, даже с ленцой, не отрываясь от своей возни с трубками и кристаллами. Он фыркнул, выпустив тонкую струйку дыма, и усмехнулся уголком пасти:

– А-а, слышал об этом челошовинисте!

– Кто-кто? – переспросил я, решив, что ослышался.

– Челошовинист, – терпеливо повторил мой питомец. – Это шовинист от людей. Не думай, хозяин, что среди драконов таких идиотов нет. Есть и дракошовинисты – те вообще уверены, что счастья на Земле нет из-за человеческого рода. Мол, пора вас всех отправить на Луну, а самим зажить по канонам древней драконьей культуры. Никакой дружбы

между людьми и драконами, говорят, быть не может!

– Ого...

– Да-да, – кивнул Зубастик. – Вы не уникальны в этом смысле. Дураков хватает везде. Особенно упертым был один такой – Ланкорат по кличке Безумец. К счастью, его давно ни видно, ни слышно. Наверное, сдох от тоски, – философски заключил он и как ни в чем не бывало продолжил подкручивать винты на своем агрегате.

– Но ты не понимаешь! – воскликнул я. – Сторонников Ордена Святого Ланселотта становится все больше! Это как эпидемия безумия, массовая психопатия! Надо что-то делать!

Зубастик посмотрел на меня как-то странно – внимательно, с прищуром, словно взвешивая меня на внутренних весах.

– И что же ты предлагаешь? – спросил он.

– Гм... – я замялся. – Может, уедем в другую страну?

– Ты правда веришь, что там нет таких же челошовинистов? – усмехнулся дракон. – Тех, кто готов свалить все свои беды на других: на драконов, на негров, на инопланетян, на погоду? Не-е, хозяин. Везде одно и то же. Лучше бороться у себя, на своем поле, как говорится...

Я неуверенно протянул:

– Ну... если ты так думаешь...

И тут в дверь постучали.

Не постучали – забарабанили. Глухо, яростно, с такой си-

лой, что дверная коробка дрогнула, а с потолка посыпалась пыль. Это был не робкий стук почтальона, не ленивое постукивание соседа и не заискивающий ритм коммивояжера. В этом стуке слышалось требование, злость и уверенность в праве вламываться.

Я растерянно посмотрел на Зубастика.

Он оторвался от работы, задумчиво почесал гаечным ключом за ухом и, не повышая голоса, произнес:

– Чему быть, того не миновать. Семь бед – один ответ. Пришла беда – отворяй ворота...

– Это что значит? – я не уловил смысла.

– Открывай дверь, хозяин, – спокойно сказал он. – Надо понять, кто и с чем к нам пришел. Иначе они сами ее вынесут.

– А-а-а... – протянул я и, тяжело вздохнув, направился к двери.

Едва я распахнул ее, как в уши ударил оглушительный гвалт. Крики, ругань, угрозы, обрывки лозунгов – все смешалось в один бешеный поток. На пороге стояло человек двадцать, не меньше. Каждый орал что-то свое, перебивая соседей, размахивая руками и тыча пальцами в мой двор.

Их лица были перекошены яростью – налитые кровью глаза, сжатые челюсти, искривленные рты. Это уже были не лица, а маски злобы, натянутые на людей.

Над толпой нависала тяжелая туча, низкая и темная, словно кто-то специально пригнал ее сюда. Вспышки молний ре-

зали небо, гром глухо перекашивался над крышами, и казалось, что сама погода замерла в ожидании: сейчас решится чья-то судьба, и кому-то сегодня точно не поздоровится.

Впереди всех стоял невысокий, пузатый, словно бочка, человечек. Тело его казалось слишком тяжелым для коротких ног, из-за чего он слегка раскачивался, будто вот-вот покатится вперед. На лбу торчал тщательно зализанный чуб, длинные усы свисали по бокам рта, придавая ему вид карикатурного вельможи из дешёвого балагана. Он был одет в вызывающе красные брюки, натянутые на круглое брюхо, и ядовито-зелёный пиджак с золотыми пуговицами. На голове красовалась фетровая шляпа, украшенная огромным рубином, сверкавшим даже в сумрачном свете, и павлиньим пером, которое дрожало при каждом его движении, словно жило собственной жизнью. Весь его облик кричал о самодовольстве, власти и дурном вкусе. И почему-то он показался мне смутно знакомым.

– Вам чего? – спросил я, стараясь перекрыть гул толпы.

В ответ разом хлынул поток яростных выкриков. Кто-то требовал справедливости, кто-то грозился расправой, кто-то кричал о предательстве, грехе и очищении. Голоса сливались в злой, неразборчивый шум, от которого закладывало уши и мутнело в голове. Я никак не мог понять, что именно они хотят, пока стоявший впереди не рявкнул так, что все мгновенно притихли:

– Молчать! Говорить буду я!

И тут я его узнал.

У меня буквально подкосились ноги. Это был сэр Камальтус. Собственной персоной. Принесла же его нелегкая – и именно в мое жилище! Сердце ухнуло куда-то вниз. Не зря я с утра говорил с Зубастиком – беда, оказывается, уже шла по моему следу.

– Нам стало известно, – прогремел Камальтус, выпячивая грудь, – что в вашем доме проживает дракон!

Я залепетал, чувствуя, как пересыхает во рту:

– Э-э-э... нет, вы ошибаетесь... какая-то путаница...

– Не лгите Ордену Святого Ланселотта! – заорал он, брызжа слюной. – Мы собрали справки на всех владельцев драконов! Мы знаем, что у вас есть дракон из рода Мехтунсов и что он живет в вашей семье уже много лет!

Он не успел закончить фразу, как из-за его спины вынырнул мой бывший одноклассник Марк Савельтяр. Сгорбленный, с вечно бегающими глазками, он наклонился к уху Камальтуса и начал что-то торопливо шептать. Я расслышал лишь обрывки: «...дракон Зубастик – смутьян... еретик... против религии... хозяин – шпион и проходимец...»

Я не слышал всего, что Марк нашептывал предводителю, но прекрасно понимал: ничего хорошего от него ждать не приходится. В школе его не любили не просто так. Он был стукачом, лгуном и подхалимом, умел выкручиваться и перекладывать вину на других. Учился он кое-как, всегда списывал, а когда ловили – делал вид, что ни при чем. Чем он

занимался после школы, я не знал, но его внезапное появление в рядах Ордена ничуть меня не удивило.

И тут толпа словно по команде вытащила плакаты. Они взметнулись вверх и тут же оказались у меня перед самым лицом.

«Драконам нет места в нашей стране!»

«Меньше драконов – больше счастья на Земле!»

«Освободим мир от драконьей скверны!»

«Любишь дракона – значит, ты предатель человечества!»

Картон и грубая ткань плакатов махали передо мной так близко, что я инстинктивно зажмурился, опасаясь, что ими сейчас разобьют мне лицо. Я отшатнулся назад, но в этот момент меня крепко схватили за рукав.

Сэр Камальтус дернул меня к себе, вцепившись, как клещ.

– К-куда-а?! – рявкнул он. – Стоять! Будете отвечать!

– Не собираюсь я никому ничего отвечать! – сердито сказал я и резко отдернул руку. – Проваливайте обратно, вам здесь не рады!

Но отделаться от незваных гостей оказалось куда сложнее, чем от назойливого торговца пылесосами. Толпа будто только этого и ждала. Разом, словно по отрететированному сигналу, они извлекли оружие. Тут были и ржавые мушкеты, и новенькие карабины с оптическими прицелами, и короткие дробовики, и самодельные пушки на треногах, и даже странные копья с прикрученными к ним магическими кристаллами, мерцающими зловещим светом. Железо, дерево, магия

– все было направлено в мою сторону, и воздух тут же стал тяжелым, пропитанным угрозой.

Их фюрер, сэр Камальтус, медленно и с наслаждением вытащил тот самый арбалет, что красовался на фотографии в газете. Черный, с серебряной насечкой, он был размером с небольшой стол. Тетива тихо звякнула, а в направляющую лег снаряд – толстый, с красными стабилизаторами и тускло светящимися рунами. Я сразу понял: это не просто болт. Один выстрел – и от моего дома останется дымящаяся воронка, а от меня и Зубастика – разве что обугленные кости, если и они уцелеют.

Марк Савельтьяр захлопал в ладоши, сияя от злорадства, словно присутствовал на спектакле, где главному герою уже приготовили плаху.

– Не увиливайте от ответственности! – рявкнул Камальтус. – Мы всех дракофилов знаем в лицо и найдем вас, даже если вы попытаетесь сбежать со своим крылатым чудовищем! Так что покоритесь!

– А что вы хотите? – глухо спросил я.

– Мы нанесем на него особую отметку, – с холодной торжественностью произнес он. – После этого депортируем из страны. А если он вернется – казнь. Через четвертование или гильотирование! А вы заплатите штраф!

От этих слов у меня волосы встали дыбом. По спине пробежал ледяной холод, а в груди что-то болезненно сжалось. Я с ненавистью посмотрел на Марка, который уже что-то быст-

ро строчил в блокноте, выписывая квитанцию, будто речь шла о неправильной парковке.

– Но за что?! – сорвался я. – У меня добрый дракон! Он ничего плохого не сделал! Он почетный профессор, умница, поэт, астроном! Он потомок древнеегипетского дракона, что служил самому фараону Тутанхамону!

Мои слова утонули в гуле толпы.

– Враг страны!

– Смерть драконам!

– Отщепенцы крылатые!

– На костер и дракона, и хозяина!

– Никакой пощады изменникам родины!

– Так где твой питомец? – издевательски спросил Камальтус. – Боится он нас?

И в этот момент из каморки вышел Зубастик. Он все слышал. И терпеть этот балаган больше не собирался.

Дракон появился в дверях стремительно и величественно. Его чешуя переливалась темным бронзовым блеском, глаза светились холодным разумом, а крылья слегка приподнялись, заполняя собой весь проем. В нем не было ни капли страха – только усталое, тяжелое достоинство и готовность защищаться.

Толпа невольно отхлынула назад. Даже сэр Камальтус сделал шаг прочь, споткнувшись о собственный плащ.

Но уже в следующую секунду все оружие вновь поднялось и нацелилось на Зубастика. Я услышал сухие щелчки взводи-

мых курков, глухие звуки, когда патроны входили в патронники, тихий звон магических механизмов. Воздух дрожал от напряжения.

Оставалось только нажать на спуск.

Я замер, не в силах ни крикнуть, ни пошевелиться, охваченный чистым, животным ужасом.

– Я здесь, и что? – спокойно произнёс Зубастик.

В его голосе не было ни дрожи, ни напряжения. Он стоял, чуть наклонив голову набок, разглядывая толпу с откровенно насмешливым интересом, будто перед ним собрались не вооружённые фанатики, а шумные гуси на деревенском дворе. Его зрачки медленно сузились, чешуя на шее едва заметно приподнялась, отражая молнии, вспыхивавшие в небе, а кончик хвоста лениво постукивал по полу, словно отсчитывая секунды до развязки.

– Вы будете арестованы, помечены... – начал было сэр Камальтус, раздувая щёки и напуская на себя грозный вид.

Но тут Зубастик вдруг всплеснул лапами и громко, почти радостно, воскликнул:

– О-о-о, кого же я вижу! Неужели Ланкорат пожаловал в мой дом?!

Сэр Камальтус ошарашенно уставился на дракона, его маленькие глазки забегали.

– Ты чего мелешь?!

– Не притворяйся! – отрезал Зубастик. – Ты же дракон. Безумец – вот твоя кличка. Я тебя сразу унюхал. Твой за-

пах... он особый. Гнусный, затхлый, как у тех, кто давно предал свой род.

– Кто дракон? Где дракон? Какой ещё дракон?! – загалдели члены Ордена.

Люди начали переглядываться, нервно переступая с ноги на ногу и бряцая оружием. Прицелы сбились, стволы дергались, некоторые вообще не понимали, куда теперь целиться – в Зубастика или в собственного вождя. В рядах прошёл заметный ропот, как волна по сухой траве. Даже Марк Савельтьяр остолбенел: глаза его округлились, рот приоткрылся, язык словно прилип к нёбу.

– Так ваш предводитель – дракон! – кричал Зубастик, широко расправив крылья. – Неужели вы этого не видите?! Я думал, что ты, Ланкорат, давно сдох, а ты жив, да ещё и в человека вырядился! Ха-ха! Это что – цирк? Ты главный клоун в шапито имени Святого Ланселотта!

– Наш сэр Камальтус... дракон?.. – с растерянным изумлением протянули люди.

Они уставились на своего вождя, словно впервые его увидели. Камальтус багровел, пот выступил на его лбу, усы задрожали, а живот нервно подрагивал под тесным пиджаком. Его внезапно начали рассматривать слишком внимательно: кто-то щурился, кто-то склонял голову, словно выискивая чешую под кожей. Марк Савельтьяр почесал затылок и заметно отодвинулся в сторону, прикидывая, что выгоднее – встать на защиту фюрера или незаметно исчезнуть, пока де-

ло не дошло до рукоприкладства.

– Не верьте ему! – взвизгнул Камальтус. – Я человек! Он оскорбил не только меня, но и моего великого предка – рыцаря Ланселотта, который мечом Эскалибуром зарубил тысячи драконов и освободил мир от чудовищ!

Я растерянно наблюдал за этой перепалкой. Толпа притихла, люди вытянули шеи, боясь пропустить хоть слово. Даже самые ярые фанатики затаили дыхание. Оружие по-прежнему было в руках, но пальцы на спусковых крючках уже не так уверенно лежали. Марк стоял в стороне, делая вид, будто оказался здесь случайно, просто проходил мимо.

А Зубастик тем временем сыпал доводами, как учёный на защите диссертации:

– Не ври, Ланкорат, не вешай лапшу на уши! Ланселотт не имеет к тебе никакого отношения – ваши генеалогии несовместимы. Даже в человеческой шкуре ты несёшь метаболизм и гены дракона! И кстати, Ланселотт никогда не воевал против драконов – это миф, созданный тобой. Он освобождал земли от чернокожишников и злых магов, а дракон Софийлло служил ему верой и правдой! Так что Ланселотт не был дракофобом. Безумец, ты выбрал не тот курс!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.